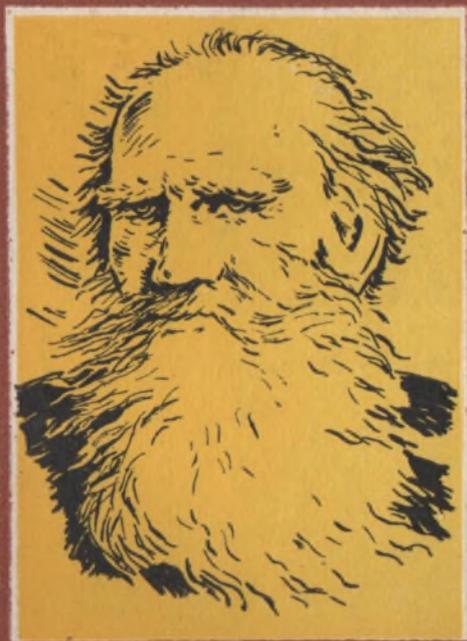

53,3Р1
А94

И. АФАНАСЬЕВ

Л.Н. Толстой
в Самарском
Заволжье

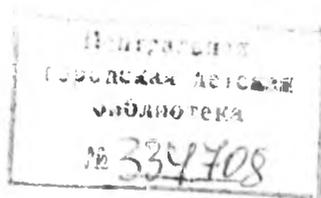
SP1

83,3P1
A94

АЧ

И. АФАНАСЬЕВ

Л.Н. Толстой в Самарском Заволжье

406
✓

Куйбышевское книжное издательство
1984

83.3P1
A94
8P13

Рецензент — кандидат филологических наук
Н. П. Козлов.

Афанасьев И. П. Л. Н. Толстой в Самарском Заволжье: Очерки. — Куйбышев: Кн. изд.-во, 1984. — 64 с.

Жители Алексеевского района гордятся тем, что во второй половине XIX века в их родных местах неоднократно бывал великий русский писатель Л. Н. Толстой. Он приезжал сюда по совету врачей лечиться кумысом, который искусно делали башкиры на Каралыке.

Впервые Лев Николаевич приехал сюда в мае 1862 года. С тех пор в течение 20 лет он побывал здесь 10 раз, в общей сложности прожил 384 дня. Трижды приезжал со всей семьей. Места ему понравились, как и люди, отличавшиеся, по его словам, «простотой и неспорченностью».

Автор книги много лет изучал материалы, связанные с пребыванием великого русского писателя в Самарской губернии, по свидетельствам его современников.

В последних главах книги рассказывается о сегодняшней жизни края.

А 70202-034
M148(03)-84

83.3P1
8P13

На Каралыке

12 мая 1862 года Л. Н. Толстой, служивший у него А. С. Орехов, два крестьянских мальчика, которых он обучал грамоте при усадьбе, выехали в Москву, чтобы потом попасть в Самарское Заволжье на лечение кумысом.

Из Москвы до Твери ехали по железной дороге, а из Твери до Самары—на пароходе по Волге. Прибыли в Самару 26 мая. На другой день Лев Николаевич написал тетке — графине А. А. Толстой: «Я нынче еду из Самары за 130 верст в Каралык¹, Николаевского уезда. Адрес мой: в Самару Юрию Федоровичу Самарину² для передачи Л. Н. Т...

Путешествие я сделал прекрасное, место мне очень понравилось, здоровье лучше, то есть меньше кашляю. Алексей (слуга. — И. А.) и ребята живы и здоровы, что можете сообщить их родным. Пожалуйста, напишите мне о Сереже или он сам. Всем дорогим товарищам поклон и прошу их написать мне, что и как у них делается и живет... С места напишу подробнее»*.

От Самары до Каралыка Л. Н. Толстой проехал на лошадах. Степь пленила великого писателя своими просторами, девственностью и здоровым климатом.

Писатель быстро сошелся с местными кочевниками-башкирами и стал им «большим кунаком»³. Они часто приглашали его на свои праздники, где развлекались борьбой, бегом впергонки, песнями, игрой на дудках.

О своем пребывании на Каралыке Лев Николаевич так написал своей родственнице Т. Е. Ергольской⁴: «Мы с Алек-

* Здесь и во всех других подлинниках сохранены орфография и пунктуация оригиналов.

сеем потолстели, в особенности он, но кашляем немного, тоже в особенности он. Живем мы в кибитке, погода прекрасная. Я нашел приятеля Столыпина⁵ — атаманом в Уральске — и ездил к нему и привез оттуда писаря, но диктую и пишу мало. Лень одолевает при кумысе. Через две недели намерен отсюда выехать и потому к Ильину дню думаю быть дома.

Однако сообщение из Ясной Поляны о жандармском обыске в его доме не позволило исполнить это намерение, и Толстой немедленно покидает Каралык.

Дело в том, что сыщик Шипов донес чиновнику московского военного генерал-губернатора о том, что при Толстом «находится более двадцати студентов разных университетов и без всяких видов», работающих учителями и писарями волостных контор. Собираются они у графа по воскресеньям с неизвестной целью. А весной к Толстому были якобы доставлены из Москвы «литографические камни со шрифтом и какие-то краски» для печатания запрещенных сочинений.

В дополнение к этому сыщик доносит еще, что у Толстого частыми гостями бывают раскольники «из Стародубских слобод»... В доме — «потайные двери и лестница, и в общем дом в ночное время всегда оберегается большим караулом».

Московский генерал-губернатор Н. Тучков показания Шипова направляет управляющему III отделением генералу Потапову на «тщательное исследование» и для принятия «необходимых мер».

Обыск в доме Л. Н. Толстого длился два дня. Были подняты полы в конюшне, неводом прочищен пруд, но ничего подозрительного не было найдено.

Жандармский полковник Дурнов после обыска доносил шефу жандармов князю Долгорукому: «В доме графа Толстого... не оказалось ни потайных дверей, ни потайных лестниц, литографических камней... С посторонними... держит себя очень гордо и вообще восстановил против себя помещиков, так как, будучи прежде посредником, он оказывал особенное пристрастие в пользу крестьян... Общение его с крестьянами чрезвычайно просто, а с мальчиками, учащимися в школе, даже дружеское».

Лев Николаевич Толстой до глубины души был потрясен наглой выходкой жандармерии. Вернувшись из Самары в Москву, он пишет гневное письмо графине А. А. Толстой, состоящей на службе фрейлиной⁶ при императорском дворе: «Какой-то из Ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, который будет мне тогда ближе всех,

перечитал две переписки, за тайну которых я бы отдал все на свете, — и уехал, объявить, что он **подозрительного** ничего не нашел. Счастье мое и этого Вашего друга, что меня тут не было,— я бы его убил!»

Через девять лет

Следующая поездка Л. Н. Толстого в наш край состоялась только в 1871 году, с 14 июня по 28 июля. На этот раз с ним ехали брат жены — Степа Берс и слуга Иван Суворов. Путь лежал через Саранск, Арзамас, Нижний Новгород и, как прежде, по Волге — до Самары.

Плывя на пароходе по великой русской реке, Лев Николаевич писал своей жене Софье Андреевне: «Вопрос о том, куда ехать, я долго не мог решить. Бартенев⁷, который купил имение у Аткарска, уверял, что там хороший кумыс. Васинька тоже, что у Саратова. Но тамбовские доктора Филипович и Леонтьев, которых я встретил, и Самарин, все утвердительно сказали, что несомненно, и несравненно лучший климат и кумыс, признаваемый всеми докторами, есть самарский.. И я еду на старое место».

Путь на Каралык в то время лежал через Дубовый Умет, Подъем-Михайловку, Дмитриевку, Богдановку, Самовольную Ивановку. 14 июня ночью Л. Н. Толстой сообщает жене: «Пишу из деревни Дубовой, первая станция к Каралыку, там, где я был.

...Кумысники так расплодилось, что 4 заведения около Самары набиты битком, и больше ни квартир, ни кумысу нет. Боюсь, чтоб того же не было на Каралыке.

Неудобство Каралыка главное в том, что туда нет почты, и я без ужаса не могу подумать о том, что и ты и я можем пробывать по две недели без писем. Я решил вот как: я буду писать тебе всякий раз, как будет случай из Каралыка в Самару».

Он обещал эти письма посылать нарочным и просил писать не реже двух раз в неделю.

Через день написал новое письмо: «Бакширцы мои все меня узнали и приняли радостно: но, судя по тому, что я уви-

дал с вечера, у них не так хорошо, как было прежде. Землю у них отрезали лучшую, они стали пахать, и большая часть не выкачевывает из зимних квартир. Я поместился однако в кибитке, купил собаку за 15 рублей, и собираюсь с терпением выдержать свой искус, но ужасно трудно. Тоска...»

Чтобы развеять ее, Лев Николаевич часто ходит на охоту, играет в шашки, читает древнегреческого философа Геродота⁸.

По поводу тоски Софья Андреевна ответила: «...если ты все сидишь над греками, ты не вылечишься. Они нагнали на тебя эту тоску и равнодушие к жизни настоящей. Недаром этот мертвый язык, он наводит на человека и мертвое расположение духа».

Лев Николаевич много ездит по окрестным селам, изучает быт и жизнь населения. На сенокосной полосе встретился с гавриловским крестьянином Василием Никитычем Курноскиным, ставшим потом хорошим другом. Василий Никитыч был словоохотливым и неглупым человеком. Он рассказал Льву Николаевичу о житье-бытье крестьян Бузулукского уезда.

— Сейчас туго мужику стало, — говорил он. — Землей-кормилицей попржижали. Раньше ее вволю было. Всякий пахал и косил, где хотел и сколько хотел. По гривеннику за десятину арендовали, а нынче по четыре целковых с пятиалтынным под пашню и по два целковых с гривенником — под сенокос. Царь-батюшка почти все казенные земли превратил в дарственные. В нашем крае появились Тучковы⁹, Бистромы¹⁰. Один живет в Москве, другой — в Питере, а земель нашей владеют. Из Самары пошли на нашу землю, — продолжал гавриловский крестьянин, — присяжный поверенный Тимрот¹¹ какой-то арендатором заделался. Конечно, за землю он платит, но и барыш от нее берет немалый. За счет наших мозолей немякинную денежку выколачивает. Все идут на землю, а мужик теснись, сторонись. Потом — заселение... сколько народу понаехало: и тамбовцев, и пензяков, и воронежских всяких.

Курноскин рассказал и о том, что в результате низкой культуры обработки земля перестала давать урожай. Нормальному ведению земледелия мешала и чересполосица: расположение крестьянских угодий среди угодий частных владельцев, казны, удела (земель царской фамилии) и крестьян соседних общин. Посев был ручной, из мешка или лукошка, под борону.

В деревне появились посредники между мужиком и рынком. Дошлые и оборотистые, они закупали у крестьян хлеб, скот по дешевой цене, а продавали — по дорогой.

На Каралыке Лев Николаевич подружился с зажиточным баширом Хаджи-Муратом (русские звали его Михаилом Ива-

новичем), с Мухамедшахом Рахматуллиным (Романычем), который впоследствии готовил для Толстого и его семьи кумыс на Сухом Тананьке¹² и на реке Моче¹³. Последний был рассудительным, по-своему вежливым и культурным человеком. Неплохо знал русский язык, но не стеснялся себя обязанностью говорить правильно.

Познакомился с кумысниками, которые, как и он, лечились на Каралыке.

В середине июня Лев Николаевич совершил поездку на ярмарку в Бузулук и остался доволен.

«...Тоска и равнодушие прошли... — уведомлял он жену.— Ново и интересно многое: и башкирцы, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и доброте народа».

Толстой был весел и жизнерадостен.

Условия, в которых он жил, были полуробинзоновскими и потому интересными. Башкирская кибитка на траве, «ни посуды, ни белого хлеба, ни ложек».

Лев Николаевич вставал очень рано, пил по три чашки чаю с молоком, гулял около кибитки и смотрел «на возвращающиеся с гор табуны, что очень красиво, лошадей тысячи, все разными кучками с жеребятами».

Чем больше он втягивался в «степную» жизнь, тем сильнее ему хотелось в ней по-настоящему обосноваться. Появилась мысль купить имение.

«Земля здесь продается Тучкова, в 30 верстах, — пишет он Софье Андреевне 27 июня, — ...эта покупка очень выгодна. При хорошем урожае может в два года окупиться... 2500 десятин, просят по 7 рублей за десятину и, купивши, надо положить до 10000 на устройство. Ни при какой покупке у меня не было такой решительности, как при этой. Я написал поверенному в Самару, и просимую цену намерен дать. Разумеется, прежде всего хочу твоего одобрения. Для того, чтобы имение принесло доход и окупилось, нужно лето будущее прожить в нем. Вчера я ездил к будущему соседу, — Тимрот, лицеист с женой и 5 детьми. И не могут тебе сказать, с каким удовольствием и грустью немного, я видел — чайный стол, дети. Один в коклюше, — няни. Одним словом, — Европа. Домик маленький, стоит 600 рублей, посаженный садик, тени никакой, но степной воздух, купанье, кумыс, верховая езда. То же было бы и у нас. Местность этой земли живописная, — гористая, кроме леса. Вода будет везде, где запрудит пруд.

...Для покупки здесь имения особенно соблазняет простота и честность, и наивность и ум здешнего народа. Ничего похо-

жего нет с нашими ёрниками. Заманчиво тоже здоровый климат и простота хозяйственных приемов».

В эту поездку в наш край у Льва Николаевича не ладилось с почтой. Первое письмо от Софьи Андреевны получил через две недели после приезда на Каралык. Затем снова большой перерыв. Написал 9 писем, а ответа нет. И только 7 июля получил от нее сразу 4. Это был счастливый день. Письма читал Толстой прямо на дворе у Тимрота. Их привезла его жена. В одном из писем Софьи Андреевны была фотографическая карточка.

«...Твоя карточка тут же, — отмечал он в ответе. — Ты показала мне и стара, и худа, и жалка...» Потом продолжал: «я помирился с портретом, и он мне приятен, и очень. Письма твои все перечел раза три... Жизнь наша все по-прежнему. Степа ходит на охоту, убил утку и трухтана, я несколько дней не совсем здоров: бок и желудок, или печень, как всегда, но все это слабее при кумысе.

Вчера, ездивши за письмами, я сделал езду верст в 40, и от Тимрот поехала со мной верхом м-ме Тимрот и молодой лицеист, кончивший курс, Бистром. У Тимрот иноходец, и я в первый раз видел даму на настоящем иноходце. Шибко скакать надо, чтобы не отставать. И если будем живы и здоровы, достану тебе иноходца. Красиво, быстро и покойно, как в люльке».

Далее сообщает о том, что играет в шашки с Михаилом Ивановичем, делает продолжительные прогулки. «Погода здесь такая, о какой мы в Туле не имеем понятия. Жар приятный, и дождь, грозы, которые никогда не делают грязи больше, чем на полчаса. Лето здесь жить лучше на дворе, чем у нас в дурном доме. ...Здоровье нынче совсем хорошо, и нынче мы с Бистромом едем к дальним башкирам».

И они действительно поехали по местам, «где есть кумыс». Путешествовали четыре дня. Везде их встречали приветливо.

Поездка Льву Николаевичу очень понравилась. У него поднялось настроение и как будто притупились боли.

В Каралыке Льва Николаевича ждало письмо от Софьи Андреевны с категорическим возражением покупать землю в Самарском Заволжье. Лев Николаевич был огорчен и в ответ написал резко: «...Твое мнение, враждебное к этой покупке, меня охладило. Все будет как бог даст. Только понятие твое о степи ложное. Жить без дерева за 100 верст в Туле — ужасно, но здесь другое дело: и воздух, и трава, и сухость, и тепло делают то, что полюбишь степь». И добавил: «...А нын-

че вспомнил и просил Степу собрать здешних трав, чтобы и тебе дать понятие о степи...»

Вопреки всему купчая крепость состоялась. Именно было куплено и разделено на 12 полей. Два из них в 1872 году засеяли. Остальные оставили под сенокос и пастбища.

В июле этого же года Лев Николаевич, захватив с собой яснополянского крестьянина Тимофея Фоканыча, уехал в сармское имение для его обустройства.

Добравшись до хутора, Лев Николаевич тут же оседлал Буланого, проехал по полям и увидел следующее: на южных склонах холмов травы и хлеба совсем сторели от жары, на северных — кое-что было, зеленел подгон.

Слышно было, что из Гавриловки и Патровки народ, боясь голода, начал разбегаться.

Лев Николаевич велел Тимофею Фоканычу нанять лошадей, чтобы поехать в Бузулукский бор за лесом. Толстой определил, где поставить конюшни, забор, жилые постройки для крестьян.

Конюшни намечалось строить прямо за домом, у подножия горы, в сторону Гавриловки. Писатель имел задумку открыть здесь конный завод, обосновать образцовое хозяйство.

«...придется отдать Тимроту от 2000 до 3000 на уборку и пахоту для будущего года, — писал Лев Николаевич Софье Андреевне. — И надо надеяться, что он мне пришлет, продавши пшеницу, вернет их и, кроме того, обзаведет хутор так, что на будущий год можно будет приехать, и будет совсем независимое хозяйство».

Жили с Тимофеем на хуторе в неказистом доме, в котором гулял ветер. Но Льва Николаевича это не пугало. Его привлекали не только живописные окрестности, но и близость хутора к деревням Гавриловке и Патровке, куда он часто ездил, встречался и беседовал с крестьянами.

Приезд с семьей

В начале июня 1873 года через Дубовый Умет, Богдановку, Землянки, Патровку и Гавриловку проехала длинная вереница подвзд. Это семья Льва Николаевича Толстого ехала в свое

имение. В шестиместной карете сидели Софья Андреевна — жена писателя, няня с маленьким сыном Петей, дочери Леля и Маша. Старшая дочь Таня со Степой Берс ехали в пролетке за каретой. В других плетушках разместились сыновья Толстых: Сергей, Илья и Лев, губернёр Федор Федорович Кауфман¹⁴ (его звали коротко: «Фо-Фо»), Эмили¹⁵, горничные, лакей, повар. В самой последней ехал Лев Николаевич. Путь был длинным и утомительным. Задыхались от жары и пыли.

Приехав на хутор, сразу же стали устраиваться. Дом не вмещал всех. В нем расположилась только часть семьи: Софья Андреевна, младшие дети и старшая дочь Таня; Фо-Фо, сыновья Сергей, Илья и Лев — в пустом амбаре, сам Лев Николаевич и Степа — в башкирской кибитке, купленной заранее. Остальные разместились в постройках, которые были подготовлены еще в прошлом году.

В поле, на краю мелкого плоскодонного овражка, уже стояла кибитка Романыча с Каралыка, который договорился с Толстым поставлять кумыс его семье.

Хутор сразу ожил. Впечатлительная Таня донимала Степу вопросами. Ей было интересно: почему нет речки, леса, как терпят такую жару здешние люди? Вокруг дома — ни дерева, ни воды, трава серая, колючая.

От некачественной питьевой воды, сильной жары в первые же дни у всех начались желудочные болезни. Благо что Софья Андреевна захватила с собой лекарства, с помощью которых помогла больным. Доктора в здешних местах не найти.

Питались черным хлебом с сухарями. Обедали на веранде. Жара и мухи портили аппетит. По вечерам здесь же пили чай, но так же, как и днем, всех донимала духота.

Сознавая, что вся семья переносит неудобства ради него, Лев Николаевич старался отвлечь всех от «бытия сего». Возил по разным деревням, был нарочито весел и разговорчив.

Первая поездка состоялась в Гавриловку, к Василию Никитичу. Вместе с Софьей Андреевной и дочерьми он приехал к нему в двух плетушках.

Старый друг встретил с распростертыми объятиями. Жена быстро согрела самовар, наварила яиц. Подала к столу. Появился белый душистый мед, вишневая пастила.

Между Львом Николаевичем и Василием Никитичем завязался разговор о вере, о молоканах, которых много в Гавриловке и особенно — в Патровке. Василий Никитич часто соглашался со Львом Николаевичем, повторяя слова: «Это двистительно так. Это двистительно».

А к окнам то и дело подходили люди и просили милостыню. По этому поводу Василий Никитыч заметил: «Разор идет полный. В нашем селе многие бедняки продали имущество, землю и ушли на новые места: в Оренбургскую губернию, в Уфу, в Сибирь. Кто работу искать, а кто насовсем. Богачи сократили посевы наполовину. Работать негде. Прогневывали бога, за то такая кара».

...Следующая поездка состоялась на Каралык, к мулле. Путь лежал через опаленную степь, на которой вконец догорали от жары посевы. Много полей заброшено, людей не видно. Даже птицы куда-то попрятались. Редко пересвистывались суслики.

Мулла, как и Василий Никитыч, встретил с большим радушием. Весть о приезде Толстого моментально облетела все зимовье. К мулле начали сходить знакомые писателя. Прибежал с шашечной доской Михаил Иванович, тотчас же предложил Льву Николаевичу партию. Тот принял предложение, и старые соперники приступили к делу.

Тем временем работники муллы зарезали барана. Пока мясо варилось, гостеприимный хозяин угостил кого чаем, кого свежим кумысом.

Невольно возник разговор о судьбе урожая нынешнего года. Башкиры с тревогой смотрели в завтрашний день. Приближалась беда... Хлеб горит. Лев Николаевич подтвердил это, сказав, что сам видел посевы, на которых ничего нет.

Когда все было приготовлено и поставлено на войлочный ковер, хозяин преподнес каждому гостю по большому куску баранины и попросил кушать без стеснения. Софья Андреевна приняла подношение с некоторым смущением. Дети — с интересом.

После обеда пошли по берегу Каралыка посмотреть табуны лошадей. Солнце пекло немилосердно. Реденькая трава пожухла, посерела от пыли. И как радостно было увидеть в круглом небольшом озере белые кувшинки. Казалось, только они да высокий камыш из всего растительного мира на свете жили в прохладе и вдоволь пили воду.

На другой день, после поездки на Каралык, Лев Николаевич, Степа, воспитательница Сережи, Ильи и Тани — Жанна Тардзей¹⁶, приехавшая на лечение, и маленькая Маша направились к Романычу пить кумыс. Кибитка, в которой он жил, отличалась исключительной чистотой. На полу — ковер, в стороне — стол и два стула. Меньшая половина отделялась ситцевой занавеской, куда прятались жена и внучка, когда приходили муж-

чины. Оттуда они подсовывали турсучок кумыса и деревянную посуду для питья.

Романыч вежливо приветствовал гостей и мило предлагал целебный напиток. Сам, как всегда, в тибетейке и шелковом халате, из-под которого была видна белая рубаха. Вкрадчиво шел навстречу гостю, слегка пожимал руку и приглашал к столу или на ковер. Кумыс подавали в чашах, выдолбленных из березовых наплавов, емкостью с бутылку, а то и больше.

Лев Николаевич брал чашу обеими руками и залпом выпивал до дна. Романыч наливал еще.

Тревожное время

Внешне казалось, что благоприятная обстановка создает все условия для полного покоя писателя. Но это было не так. Лев Николаевич внутренне очень переживал. Его сильно беспокоило приближение голода. Бедствие уже началось, а власти не замечали или не хотели его замечать. Тревога за судьбу местных крестьян захватила и Софью Андреевну. Она сообщила своей сестре: «Тут со страстной недели не было ни одного дождя, вот и мы месяц живем, на наших глазах понемногу засыхало это огромное пространство, и понемногу находит ужас на весь здешний народ, который третий год бьется из последних сил как-нибудь прокормиться и посеять для будущего года. Наш старый башкир, который живет у нас и доставляет нам кумыс, говорит, что только 40 лет тому назад был такой бедственный год».

Лев Николаевич, как человек редкой душевной щедрости, не мог остаться посторонним наблюдателем и решил как-то предотвратить надвигающееся бедствие.

Для выяснения его размеров объехал многие поля, сделал обход каждого десятого двора в селе Гавриловка, описал экономическое состояние крестьянских хозяйств.

С. А. Берс в «Воспоминаниях о графе Л. Н. Толстом» приводит по этому поводу несколько подробностей: «Лев Николаевич... был инициатором всех сделанных в России пожертвований... Он отправился в ближайшие деревни, взял меня с собой и сделал опись, т. е. перечень всего находящегося на-

лицо в крестьянском дворе хлеба и вообще имущества, а я писал под его диктовку. Несчастные просили наперерыв описать их дворы, предполагая, что только описанные дворы получат помощь».

Опись Лев Николаевич заверил у местных властей. Сельский староста «по безграмотству» приложил должностную печать. Писарь Ф. Афанасьев расписался. А церковный служитель сделал надпись: «Сие описание верно. Самарской епархии Бузулукского уезда, села Гавриловки священник Михаил Соловьев».

В руках Л. Н. Толстого оказался документ потрясающей силы. В нем со всей достоверностью отражалось бедственное положение гавриловских крестьян, не знающих, как «обдумать свои головы». На основании этой описи он пишет знаменитое письмо «К издателям «Московских ведомостей», в котором есть такие строки:

«Прожив часть нынешнего лета в деревенской глуши Самарской губернии и будучи свидетелем страшного бедствия, постигшего народ, вследствие трех неурожайных годов, в особенности нынешнего, я считаю своим долгом описать, насколько умею правдиво, бедственное положение сельского населения здешнего края и вызвать всех русских к подаянию помощи пострадавшему народу».

Признавая расслоение крестьянства на богатых и бедных, он отмечал, что «1871 год был в Самарской губернии неурожайным. Богатые крестьяне, делавшие большие посевы, уменьшили посевы, стали только достаточными людьми. Достаточные крестьяне также уменьшили посевы, стали только ненуждающимися. Прежде ненуждающиеся крестьяне стали нуждающимися и продали часть скотины. Нуждающиеся крестьяне вошли в долги, и явились нищие, которых прежде не было».

Второй неурожайный год, 1872-й, заставил достаточных крестьян еще уменьшить посев и продать излишнюю скотину, так что цена на лошадей и на рогатый скот упала вдвое. Ненуждающиеся крестьяне стали продавать уже необходимую скотину и вошли в долги. Прежде нуждавшиеся крестьяне стали бобылями и кормились только заработками и пособием, которое было им выдаваемо. Количество нищих увеличилось.

Нынешний, уже не просто неурожайный, но голодный год должен довести до нужды прежде бывших богатых крестьян и до нищеты и голода почти 9/10 всего населения.

...Проехав по деревням от себя до Бузулука 70 верст, и в другую сторону от себя до Борска 70 верст, и еще до Богдановки 70 верст, и заезжая по деревням, я, всегда живший в

деревне и знающий близко условия сельской жизни, был приведен в ужас тем, что я видел: поля голые там, где сеяна пшеница, овес, просо, ячмень, лен, так что нельзя узнать, что посеяно, и это в половине июля. Там, где рожь, поле убрано, или убирают пустую солому, которая не возвращает семян; где покосы, там стоят редкие стога, давно убранные, так как сепа было в десять раз меньше против обычных урожаев, и желтые выгоревшие места...

По дорогам везде народ, который едет или в Уфимскую губернию на новые места, или отыскивать работу, которой или вовсе нет, или плата за которую так мала, что работник не успевает выработать на то, что у него съедают дома.

По деревням, во дворах, куда я заезжал, везде одно и то же: не совершенный голод, но положение, близкое к нему, все признаки приближающегося голода».

Лев Николаевич приводит в письме «расчеты крестьянских семей села Гавриловки, ближайшего» к нему, в котором уровень жизни не выше, чем в других деревнях уезда.

Из 23 описанных дворов большинство находилось в самом бедственном положении, а те, которые «менее бедные», все равно не могли прокормиться без продажи скота.

Лев Николаевич ясно представлял будущее крестьян. В письме к жене он писал: «Во-первых, они будут мешать в хлеб пищу дешевую и потому не питательную и вредную: лебеду, мякину (как мне говорили, в некоторых местах это уже начинают делать); во-вторых, сильные члены семьи, крестьяне, уйдут осенью или зимой на заработки, и от голода будут страдать старики, женщины, изнуренные родами и кормлением, и дети. Они будут умирать не прямо от голода, а от болезней, причиной которых будет дурная, недостаточно питательная пища. Страшно подумать о том бедствии, которое ожидает население большей части Самарской губернии, если не будет подана ему государственная или общественная помощь».

Это было 28 июля 1873 года. Отсылая письмо «К издателям», Толстой приложил к нему 100 рублей как первый вклад в фонд помощи голодающим.

Через два дня, чтобы «подвинуть дело», посылает письмо А. А. Толстой, в котором излагает боль своих впечатлений и просит «заинтересовать сильных и добрых мира сего». «...Я написал в газеты с свойственным мне неумением писать статьи, очень холодное, неуклюжее письмо и от страха полемики представил дело менее страшным, чем оно есть... Я не люблю писать жалостливо, но я 45 лет живу на свете и ничего подобно-

го не видел и не думал, чтобы могло быть. Когда же представишь себе, что будет зимою, то волос дыбом становится».

В пакет для А. А. Толстой Лев Николаевич вложил копию своего письма «К издателям».

* * *

Письмо Толстого о самарском голоде было опубликовано в 207-м номере «Московских ведомостей» от 15 августа. Отклики на статью приводит действительный статский советник Анучин, в записке «История самарского голода 1872—1874 годов» он пишет: «До корреспонденции графа Л. Н. Толстого никому и ничего вне Самарской губернии не было известно, что в ней происходит. Даже есть основание предполагать и больше, что в самой Самарской губернии многие ничего не знали, или не хотели знать, что в ней делается, и что ожидает ее население. Корреспонденция графа Толстого была громом, заставившим всех перекреститься».

Этнограф, член Всероссийского географического общества А. С. Пругавин в книге «О Льве Толстом и толстовцах» рассказывает, что статья Льва Николаевича была воспринята всей передовой печатью как крупное общественное явление. Через 5 дней после ее опубликования газета «Новости» в двух номерах перепечатала статью без сокращений под заголовком: «Заявление автора «Войны и мира»; «Петербургские ведомости» посвятили ей передовую статью, автор провинциального обозрения газеты «Голос» 25 августа назвал опись совершенно новым и сильно действующим приемом.

Опись, занимающая половину статьи, по мнению газеты «Гражданин», и есть тот поражающий прием, которым мог воспользоваться только человек совсем близкий, на которого крестьяне смотрят «как на самого себя или как на доверенное лицо».

Позывные статьи услышаны были и за границей. В эмигрантском журнале «Вперед», издававшемся в Женеве, П. Л. Лавров¹⁷ в статье «По поводу самарского голода» писал, что «газета Каткова¹⁸ и подпись графа пробудили внимание, сомневаться было более нельзя».

Бедственное положение самарских крестьян, описанное Львом Николаевичем, вызвало глубокое сочувствие у прогрессивной общественности России и желание как можно скорее прийти на помощь. Особенно горячо взялась за работу по оказанию помощи голодающим русская женская интеллигенция — «Дамские комитеты», общества попечения о раненых

и больных воинах. В Петербурге, Казани, Риге и других городах образовались специальные временные комитеты. Не последнее место в пожертвованиях принадлежит земствам — Курской, Воронежской, Тамбовской губерний, которые, видимо, не хотели оставить в беде своих земляков, переселившихся в самарский край. В выделении пожертвований принимали участие и земства других губерний: Московской, Симбирской, Тульской, Пермской, городские общества Москвы, Петербурга, частные лица Финляндии, русские, живущие во Франции, и многие другие.

Через месяц в Самарскую земскую управу начали поступать пожертвования. Первое из них — от Московской университетской типографии. Потом они пошли со всех концов России, «возрастая с каждым месяцем». А. С. Пругавин в статье «Граф Л. Н. Толстой в голодовку 1873—1874 годов», опубликованной в литературном, научно-популярном журнале «Образование», в № 11 от ноября 1902 года, приводит следующие данные: «Так, в сентябре было получено 4,980 руб., в октябре — 7,505 руб., в ноябре — 94,949 руб., в декабре — 384 430 руб. С января 1874 года сумма ежемесячных пожертвований начинает постепенно и мало-помалу убывать, а именно: в январе было получено 236,956 руб., в феврале — 116,705 руб., в марте — 70,273 руб., в апреле — 46,004 руб...» и к августу сумма снизилась до 3 612 рублей. Однако деньги поступали вплоть до 1876 года, но уже в незначительных количествах. За весь период частных пожертвований поступило 1 миллион 867 тысяч рублей деньгами и 21 тысяча пудов хлебом.

Пожертвования поступали в губернскую земскую управу, различные учреждения и на имя некоторых частных лиц, живущих в Самаре: губернатору, губернскому предводителю дворянства, епархиальному начальству, Г. С. Аксакову — сыну известного писателя Сергея Тимофеевича Аксакова и А. Ф. Духинову.

Лев Николаевич не жалел и личных средств на спасение голодающих. Снабжал крестьян хлебом и деньгами, покупал лошадей и коров.

Благодаря мужественным действиям великого писателя, поднявшего Россию на помощь голодающим Поволжья через голову правительства, участь самарских крестьян была несколько облегчена. Они считали Л. Н. Толстого спасителем и с большой любовью молились за его здоровье, А. С. Пругавин подтверждает: «Когда в 1881 году нам пришлось посетить Бузулукский уезд, то от крестьян Патровской волости мы слышали

много рассказов о сердечной заботливости, которую проявлял Толстой, живя среди них во время голодовки 1873 года...»

Увлечение хозяйством

□

В 1874 году Лев Николаевич приехал на сухой Тананык со старшим сыном Сергеем. После ознакомления с хозяйством установил, что дела складываются неважно. Малограмотный яснополянский крестьянин Тимофей Фоканыч оказался человеком пассивным и недобросовестным.

Вместо него был нанят другой управляющий.

Через 12 дней Толстой возвратился в Ясную Поляну. На следующий год Лев Николаевич снова приехал со всей семьей на более длительный срок — с 12 июня по 22 августа.

С первых же дней пребывания активно взялся за хозяйство. 29 июня поехал в Бузулук на ярмарку, чтобы купить лошадей для конного завода. Во время пребывания в Бузулуке посетил пещеру отшельника.

Старик встретил писателя с молитвой. Любезно вручил ему маленькую восковую свечу и показал кельи, вырытые им самим под землей. В них пахло сыростью и чем-то прокисшим. Отшельник показал могилы тех, кто жил в этой пещере и отдал богу душу. О каждом говорил ласково, поминая добрым словом. Проходя мимо одной могильной ямы, он ничего не сказал. Лев Николаевич заметил это и спросил:

— А это для кого?

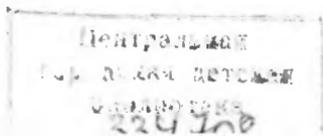
— Приготовлена для успокоения следующего, — ответил старик.

...Простившись с отшельником, Лев Николаевич вернулся в гостиницу. Там его ждали табунщики, в том числе и Лутай — молодой башкир с Каралыка, о котором Сергей Львович отзывался весьма высоко: «...милейший первобытный человек и отчаянная башка».

Купленных лошадей гнали большими косяками. На Тананыке в первое время их держали в конюшнях и калдах.

* * *

Поголовье лошадей в самарском имении постоянно увеличивалось и дошло до 150. Конный завод набирал силу.

Обширные пастбища, степное сено этому благоприятствовали. Наряду со степными кобылами были закуплены прекрасные жеребцы английской, бухарской и растопчинской пород, громадный широкоспинный битюг, текинец и несколько рысистых.

«У отца, — вспоминает Татьяна Львовна, — ...были большие косяки (табуны) лошадей. Он задался целью вывести смешанную породу из маленьких степных лошадей с рослой европейской породой. Он надеялся соединить силу, выносливость и горячность первых с красотой, резвостью и ростом вторых».

Лев Николаевич много внимания уделял и земледелию.

Урожай в этом году был хорошим. В уборочную страду люди не уходили из степи. Один пожилой татарин пришел пешком из Казанской губернии. Его жена, состарившаяся раньше времени, и девочка лет восьми проделали путь в тысячу верст, везя в тележке младенца. Толстые приютили их и оказали помощь.

Старшая дочь Льва Николаевича — Таня — старалась привлечь татарскую девочку к себе, занять интересными играми.

На хуторе жил еще один татарин, старый, оборванный и очень добродушный. Служил сторожем.

«По вечерам, — рассказывает Сергей Львович, — он пел свои татарские песни и колотил палкой по старому ведру... иногда приходил к Мухамедшаху Романычу, скромно останавливался у двери его кибитки, молился, как полагается мусульманину, закрывши лицо руками, и почтительно здоровался. Мухамедшах говорил ему «утр» (садись) и угощал кумысом. Мой отец, заметив это, сказал: «Вот как закон гостеприимства строго соблюдается у мусульман! Мухамедшах, сравнительно аристократ, сажает и угощает нищего бабая. Мы, христиане, таких нищих не принимаем».

В 1876 году Лев Николаевич приезжал в свое имение всего лишь на 13 дней вместе со своим племянником Николаем Валериановичем Толстым, сыном сестры Марии Николаевны. С ним он ездил покупать лошадей в Оренбург.

В 1878 году Л. Н. Толстой в самарское имение приехал вначале один, затем вызвал свою семью, кроме старшего сына Сергея, который сдавал экзамены. Накануне была оформлена купчая крепость с бароном Бистромом на 4 022 десятины и 502 сажени смежной земли. Теперь в имении было около 7 тысяч десятин.

Льву Николаевичу понравилось место на реке Моче: «очень хорошее в хозяйственном отношении, и очень веселое».

Там стоял серенький дом, при нем погреб, кладовая, амбарчик. Все постройки из самана, полы земляные. В стороне от хутора находился опромный амбар. Толстой решил пристроить к дому большую кухню для приказчика и рабочих и кухню для себя.

Управляющим имением был Алексей Алексеевич Бибиков, среднего роста, коренастый, с красивым лицом и добрыми, немножко выпученными глазами. Борода широкая, окладистая.

Бибиков был сыном богатого в прошлом помещика. Окончил курс физико-математического факультета Харьковского университета. Работая посредником в спорных вопросах, всегда защищал интересы бедных. На чугунолитейных заводах Мальцева в Калужской губернии настраивал рабочих против хозяина-паразита, убеждал их в необходимости перевода заводов «на социалистическое начало». Привлекался за «пропаганду в 36 губерниях» в процессе 193-х, 5 лет был в ссылке, 7 — под надзором полиции.

По убеждению — «богочеловек», утверждающий, что в каждом человеке живут добрые свойства: любовь к ближнему, готовность пожертвовать собой, — и что даже в самом ничтожном человеке есть «божия искра». Необходимо только пробудить ее.

Бибиков рассказал о делах в имении. Лошади все целы. Урожай пшеницы хороший. Денег на уборку не потребуется, так как все договоры оплачены. Люди готовы приступить к работе в любое время.

Лев Николаевич, довольный положением дел, писал Софье Андреевне: «Бибиков ведет дело прекрасно».

Состояние хозяйства, посевов приподняло настроение графа. Он подолгу задерживался в поле, ежедневно ходил пешком на Тананык, где у него в основном находился скот. Но накануне уборки настроение писателя немного упало. Дело в том, что установилась очень жаркая и сухая погода, пошли желудочно-кишечные расстройства. Толстой боялся, что это повредит Софье Андреевне и грудному Андрею, и поэтому задумывался над тем, «ехать ли Соне на новый хутор?». Но когда получил телеграмму от жены с просьбой выслать лошадей и карету на станцию Богатое, тотчас же написал ей, что все будет исполнено и что «...лошади хороши и смирны, Лутай правит ловко, но под гору в Богатом выдь и вели тормозить. Больше гор не будет. В Землянки буду выезжать встречать тебя».

В это лето семья Толстых хорошо отдохнула, поправила здоровье. Лев Николаевич был очень доволен.

Социальные контрасты

Немногим менее месяца прожил Толстой в Тананыке в 1881 году — с 15 июля по 13 августа.

Лето для урожая было благоприятное. Погода стояла жаркая и ясная, но не сухая. Степь — зеленая, свежая, «цвела два раза».

Приехав на хутор у Мочи, Лев Николаевич опять нашел все в благополучном состоянии. В доме чисто и просторно, лошади хорошо перенесли голодные годы. Многие из них стоят по 300 рублей и больше.

В воскресенье, 20 июля, он поехал в Патровку к молоканам. Его сопровождал Василий Иванович Алексеев, бывший домашний учитель в доме Толстых. В судьбе этого человека Лев Николаевич принял некоторое участие. Писателя интересовали убеждения сына богатого помещика, отказавшегося от наследства ради своих идей.

Их ждали и готовились. Общественная моленная находилась на втором этаже дома Ивана Дмитриевича Кудрина. Хозяин был до крайности озабочен и старался собрать больше народу. Молокане известили всех своих людей, кто жил в Патровке, и часть в близлежащих селах, предупредив, что на моление надо прийти в шесть часов утра, «как солнце над дубом будет».

В точно назначенное время люди начали подходить. Переступая порог моленной, они приветствовали друг друга миром.

В сравнительно большом зале, в переднем углу, стоял стол, покрытый белой скатертью, на котором лежали библия и псалтырь. Женщины держались отдельно от мужчин, хотя, по учению молокан, «во христе жена равна мужу».

Началось чтение священного писания Ветхого и Нового завета. Начетчик Василий Константинович, мужчина средних лет, толковал и разъяснял прочитанное. Было уже около двенадцати часов, когда среди молокан прошел шепот: «Лев Николаевич приехал». Иван Дмитриевич выскочил на крыльцо встречать редкого гостя.

Когда Толстой вошел в моленную, увидел интеллигентного на вид человека. Узнав, что это Пругавин, показал ему номер

газеты «Голос» с его статьей «Современные движения в сектантстве» и сказал:

— Очень рад познакомиться.

Моление продолжалось. Когда был прочитан 28-й стих 5-й главы от Матфея — нагорная проповедь, — Василий Константинович начал объяснять.

Его хриповатый голосок, казалось, не производил эффекта, но волновал каждого.

— Тута, окромя истины, ничего нету. Кто смотрит на бабу с потребой, нехорошо, тот мысленно с ней во грехе. А Спаситель не велит. Это безнравство...

Василий Константинович неожиданно поперхнулся и, смутившись, покраснел. На лбу выступил пот, который он стер тыльной стороной ладони. Его взволновало, может быть, неудачное объяснение при высоком госте или что-то другое. И только после прочтения следующего стиха голос его окреп, и он толковал твердо:

— Ежели греховные мысли будут одолевать тебя, борись с ними изо всех сил. Не можешь — иди на крайность: вырви глаз из себя или отруби руку.

Содержание 39-го стиха о непротивлении злу Василий Константинович стал особенно старательно объяснять:

— Это трудный обет. Не всяк может исполнить его. Но к этому зовет нас Спаситель. Проникнись любовью к ближнему, и тогда тебя никто не тронет.

— «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду», — читал рыжий начетчик.

Василий Константинович пояснял:

— Бедного и раздетого человека, перешагнувшего порог твоего дома, одень и покорми. Это ты дашь взаймы... И, когда тебя самого беда постигнет, добродетель вспомнит это, и ты будешь осчастливлен.

Лев Николаевич слушал внимательно, а когда на него обращали внимание, отводил глаза в сторону, теребя в руках краешек блузы.

После прочтения главы собрание начало петь псалмы. Сначала запели мужчины, басовито и протяжно, потом влились в хор женщины, и пение сразу же приобрело иное, захватывающее звучание. Лица молящихся просветлели, у многих глаза увлажнились. Кто-то начал сморкаться. После окончания моления многие ушли. Остались только наставники, которые разместились вокруг большого стола, стоявшего в переднем углу. Пругавин тоже хотел выйти на улицу, но Иван Дмитриевич заметил это и сказал:

— Просим вас за стол.

То же самое, вероятно, было сказано и Льву Николаевичу. Появился большой пузатый самовар, чайные чашки, блюдечки, мед.

Начался разговор о вере, об учении «духовных христиан». Лев Николаевич старался уяснить себе их религиозные воззрения и отношение к различным явлениям жизни.

Иван Дмитриевич, знаком предупредив наставников, вышел во двор. А когда вернулся, пригласил всех на «общественный обед» (вскладчину). Через несколько минут Лев Николаевич уже сидел в «самом корню».

Обед был отменный: крапивные щи, баранина, лапша, орешки, огурцы, лапшевник, мед.

К концу обеда кто-то сказал, что сегодня в Патровке состоится волостной суд, на котором будет разбираться дело одного из молокан, предъявившего иск православному мужику за оскорбление. Лев Николаевич заинтересовался и пожелал присутствовать на нем.

Василий Иванович Алексеев и Александр Степанович Пругавин пошли вместе с ним. В здании волостного правления, где шел суд, было многолюдно.

Во время разбора дела Лев Николаевич выяснил, кто судья: православные или молокане? Оказалось, что все судьи православные, и когда они вынесли приговор в пользу молоканина, он был очень доволен. После суда, остановившись на крыльце волостного правления, Толстой вступил в разговор с крестьянами.

— Судьям магарыч ставят? — спросил он.

Одни пожимали плечами, показывая, что они ничего не знают, другие улыбались, ничего не говоря, третьи, особенно женщины, говорили, что магарыч ставится, и немалый. Но водку пьют только православные, молокане же не пьют совсем.

После беседы с крестьянами Лев Николаевич и его попутчики пошли к Ивану Дмитриевичу пить чай. А Пругавин направился к местному священнику, объяснив, что ему надо узнать его мнение о секте молокан.

...Священник встретил любезно, но с осторожностью. В разговоре — холодок.

— В вашем селе живут православные и молокане, чье же учение усиливается, а чье слабеет? — спросил Пругавин.

Лицо священника помрачнело. Видно было, что он недоволен заданным вопросом.

— Молоканское учение усиливается, — ответил со злом священник. — И тому способствуют не только местное насе-

ление, но и просвещенные люди всей России, в том числе и вы. Живете в Патровке десять дней — и все время с молоканами. А те рады: «У нас гость из Питера».

С каждым словом озлобление священника усиливалось.

Пругавин пытался объяснить свое поведение.

— Я этнограф, батюшка, — сказал он, — изучаю молоканство. Чтобы его хорошо знать, надо быть ближе к самим поклонникам этой веры.

Объяснение, казалось, возымело действие, и священник, умерив голос, проговорил:

— Ладно, вы имеете поручение от ученых обществ, и вам, может, так надо. А что же делает сочинитель «Войны и мира» граф Толстой? В православную церковь и глаз не показал, а в молельню к молоканам приехал и весь день с ними: обедает, чай пьет...

Пругавин повторил свой прием:

— Лев Николаевич, как писатель, должен, как и я, знать многое о людях. Он только что был в волостном суде и слушал дело об оскорблении, после долго беседовал с крестьянами. Неужели и в этом можно усмотреть подрыв православия?

После этого озлобление священника не только не улеглось, а, наоборот, еще больше обострилось.

— Хватит об этом! — сердито сказал он, прерывая беседу.

Заметив подробную осведомленность о пребывании Л. Н. Толстого и его самого у молокан, Пругавин почувствовал недоброе. «Доноса не миновать», — подумал он.

На другой день в Патровке было много разговоров о Толстом. Молокане остались довольными его посещением. Оживленно обсуждали мысли, которые он высказал в беседах по поводу Евангелия, пытаясь вникнуть в их суть и сопоставить религиозные взгляды великого писателя со своими.

Иван Дмитриевич и Василий Константинович стали просить Пругавина посетить «графский хутор» и еще раз побеседовать с человеком, который пробудил в них глубокий интерес к различным воззрениям.

Поездка состоялась 21 июля. На паре лошадей, в плетушках поехали Иван Дмитриевич Кудрин, начетчик Василий Константинович и Пругавин.

На хутор приехали рано, люди только начали завтракать. Бибиков и Алексеев сидели за столом в «господском доме», Лев Николаевич был на прогулке.

Не успели работники убрать молоканских лошадей, как он появился. Войдя в столовую, поздоровался и пригласил гостей в свою комнату.

Побеседовали. Затем Лев Николаевич предложил послушать отрывки из своего «Краткого изложения Евангелия». Молокане согласились, и он, принеся стопку рукописных листов, приступил к чтению. Слушали его с большим вниманием.

Чтение длилось до обеда, потом опять беседа: вопросы и ответы. И только к вечеру молокане уехали на хутор Ивана Дмитриевича, который был рядом, чуть повыше по реке. Пругавин остался ночевать у Толстого.

Вечером Лев Николаевич, Пругавин, Алексеев и Бибиков были приглашены Романьчем на ужин по случаю какого-то башкирского праздника, на котором ели баранину, пили кумыс.

Потом состоялась прогулка. Степь, несмотря на июльскую жару, была еще прекрасной, с пряными запахами.

22 июля Толстой записал в дневнике: «Молокане. Я читал свое. Горячо слушают».

А 24-го в письме к Софье Андреевне отметил: «Интересны молокане в высшей степени. Был я у них на молеенье, присутствовал при их толковании Евангелия и принимал участие, и они приезжали и просили меня толковать, как я понимаю; я читал отрывки им из моего изложения, и серьезность, и интерес, и здравый смысл этих полуграмотных людей — удивительны. Был я в Гавриловке у субботника. Тоже очень интересно».

В этом году Лев Николаевич, как никогда, был доволен состоянием хозяйственных дел в имении и ожидал хорошего дохода. В то же время в его письмах начинает звучать тревога: «Нищета зимой здесь была ужасная. Теперь видны следы голода».

...Все эти дни налаживали мельницу на конный привод, но она не пошла. Я каждый день делаю прогулку пешком или верхом. Стоят страшные жары, а теперь второй день пасмурно и нынче дождь».

Он стал избегать поездок по окрестным селам, больше уходил или уезжал на Сухой Тананык, «к косяку, на жнитво, на хутора Ивана Дмитриевича или еще куда-нибудь. В деревни неприятно ходить и ездить».

Встретился со своим другом гавриловским крестьянином Василием Никитычем. Оказывается, Василий Никитыч, разорившись, работал в его имении шорником. Встреча обрадовала и удивила Толстого. На его вопросы о причинах разорения Василий Никитыч отвечал: «Неурожаи замучили. Залез в долги, а платить нечем».

И он поведал Льву Николаевичу грустную историю. Кулак Фокей Пемков, у которого Василий Никитыч занимал хлеб на

семена и еду, через суд взыскал долги. С его двора свели почти всю «живность и часть недвижимого имущества забрали, оставили одну лошадь, которая ничего не стоит. Потом она сдохла от сапа. Оставшиеся овцы тоже подошли от какой-то оспы».

— На мужицкий двор все лезут: и кулак, и полицейский, и хвори разные, — заключил он и попросил Толстого не дать ему «помереть под забором».

Вскоре Лев Николаевич напишет Софье Андреевне: «Василий Никитыч тут теперь, пьет чай.. живет плохо». И даст распоряжение насыпать четвертной воз (25 пудов) пшеницы и отвезти в Гавриловку для его семьи.

Последние дни июля Толстой усиленно занимался хозяйственными делами. Плохо спал, разговаривал во сне.

«...Ожидания дохода самые хорошие, — сообщает он в письме от 24 июля. — Одно было бы грустно, если бы нельзя было помогать хоть немного, это то, что много бедных по деревням и бедность робкая, сама себя не знающая».

На это Софья Андреевна ответила: «Хозяйство там пусть идет как налажено. Я не желаю ничего переменить. Будут убытки, но к ним уж не привыкать, будут большие выгоды, то деньги могут уйти и не достаться ни мне, ни детям, если их раздать. Во всяком случае ты знаешь мое отношение к помощи бедным: тысячи самарского и всякого бедного народонаселения не прокормить, а если видишь и знаешь такого-то или такую-то, что они бедны, что все это надо сейчас же, удержаться нельзя, чтоб не дать, потому-то жалко, и потому что так надо...»

Вечерами Лев Николаевич долго гулял около усадьбы. Часто встречался с 70-летним бабаем, бывшим караульщиком на Сухом Тананыке, который теперь караулил здесь. Всю ночь, как и прежде, пел татарские песни тоненьким голоском и барабанил в лад в старое ведро.

— Ведро кончал... — сказал он однажды. Потом с радостью сообщил: — Сегодня Турсук пирог ашал. — Это он говорил о старом любимом мерине, которого мечтал получить осенью в подарок, приехать на нем домой, зарезать и съесть.

Лев Николаевич писал жене 31 июля о хозяйственных делах: «...с понедельника нагнали жнецов до 300 человек. Хлопоты о муке, хлебах, каше. Цена по 12 рублей. Завтра Спас... Две трети сжали, надежда на доходы не обманывает».

И 6 августа: «...Вчера я почти целый день работал на току: веял пшеницу. Вечером Ал. Ал. дал рабочим водки. Они пили, кричали, пели. А мне не спалось... грусть о тебе... я дер-

жусь Мухамедшиной кибитки и не покидаю ее. Сережа очень свеж, весел, ходит на охоту».

Между тем благополучие Л. Н. Толстого стало больно ранить его душу, все настойчивее втягивало в длительную и сложную полосу исканий, сомнений и противоречий.

К. А. Селиванов в книге «Русские писатели в Самаре и Самарской губернии» рассказывает о том, что Лев Николаевич, приехав на самарский хутор летом 1881 года в сыном Сергеем, испытывает терзание совести, наблюдая социальные контрасты окружающего. Его дневники и письма пестрят заметками о противоречии труда и праздности, бедности и богатства.

Сам Л. Н. Толстой в «Исповеди» этот период характеризует так: «...со мной стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты недоумения, остановка жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать... Эти остановки жизни всегда выражались одинаковыми вопросами: зачем? Ну, а потом? Прежде чем заняться самарским имением, надо знать, зачем я это буду делать. Пока я не знаю — зачем, я не могу ничего делать. Среди моих мыслей о хозяйстве, которые занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну хорошо, у тебя будет 6 000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом? — Зачем?»

...Я как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти... Жизнь мне опостыдела — какая-то непреодолимая сила влекла меня к тому, чтобы как-нибудь избавиться от нее...

...Мысль о самоубийстве пришла ко мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употребить против себя хитрости, чтобы не привести ее слишком поспешно в исполнение. Я не хотел торопиться только потому, что хотелось употребить все усилия, чтобы распутаться!

Если не распутаюсь, то всегда успею, говорил я сам себе. И вот тогда я, счастливый человек, вынес из своей комнаты шнурок, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни».

От отчаяния и невыносимых душевных страданий, пережитых в исканиях смысла жизни, спасло его сближение с простым народом. «Жизнь множества людей слагается из лишений и страданий, а не наслаждений, но убивать себя они считают величайшим злом», — писал Толстой и полюбил этих людей.

С ним случился «переворот», который давно готовился и задатки которого были в нем всегда.

«Со мной случилось то, — раскрывался он в «Исповеди», — что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но и потеряла всякий смысл... Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом».

Лев Николаевич отрекся от жизни людей круга своего, признав, что это не жизнь, а только ее подобие.

Последний приезд

В 1883 году, с 23 мая по 28 июня, Лев Николаевич пребывал в наших краях последний раз.

Приезжал он для того, чтобы «развязать ту путаницу», которая произошла здесь. Дела в имении шли неважно. Половина прошлогодних жеребят пала, а в 1883 году от 80 кобыл получено только 24. Это обстоятельство вызвало досаду у Толстого, и он в кругу крестьян высказал неудовлетворение работой Бибикова как управляющего. Тому кто-то передал, и между друзьями пролегла полоса отчуждения.

Арендная плата за землю вносилась нерегулярно, а то и вовсе не вносилась. Одними — из-за неимения денег, другими, кто побогаче, — из расчета, что Лев Николаевич, как непротивленец злу, судиться не будет.

Образовался долг около 10 тысяч рублей. Все это подтолкнуло Льва Николаевича быстрее исполнить созревшее решение: «все уничтожить и распродать».

Землю решил сдать в аренду, рассчитывая получать ежегодно от 4 до 6 тысяч рублей, от продажи всего скота, лошадей и строений и от посеянного хлеба — более 10 тысяч.

Крестьяне, узнав о намерениях писателя, начали осаждать управляющего именем и самого хозяина просьбами выделить участок земли. Одни — в аренду, другие — даром. Управляющий торговался, пытаясь поднять арендную плату, но это ему не всегда удавалось. А Льву Николаевичу торги были противны. Он не находил себе места. «Не знаю как дальше, — писал он Софье Андреевне, — но мне теперь неприятно... мое

положение хозяина, и обращение бедных, которых я не могу удовлетворить...»

Чтобы не видеть всего этого, Лев Николаевич намеревался переехать на Каралык, но не решился. В субботу, 28 мая, ходил туда пешком, выпил молодого кумыса и плохо себя почувствовал: закололо в печени.

Несколько раз бывал в Гавриловке и Патровке, встречался с крестьянами.

Сдача земли в аренду затягивалась. Тогда Лев Николаевич решил сдать ее по цене, какую положат сами крестьяне. В селе Гавриловка собрал сход и объявил на нем свое решение. Мужики согласились не сразу. Перед ними возник вопрос: какую выгоду для себя хочет «соблюсти» граф за счет сдачи земли? По опыту они знали, что богатый всегда «соблюдает свою выгоду» в ущерб крестьянам. А когда услышали о «бумаге», которую Лев Николаевич для законности предложил подписать, совсем заиротестовали. Боялись, как бы подвоха не вышло. Накануне по народу слухок прошел о том, что землю скоро отдадут бесплатно тем, кто ее обрабатывает. Земля божья, и она не должна продаваться.

Среди крестьян мнения разделились, разгорелся спор. И только на третий день он разрешился в пользу предложения Л. Н. Толстого. Помогло этому объяснение одной старушки, которая сказала, что «барин стал о душе думать и поступает так для ее спасения». В подтверждение своих слов она сослалась на большие подаяния графа бедным, какие не обошли и некоторых присутствующих на сходе.

С Бибиковым отношения уладились, «оба поплакали и поцеловались». Лев Николаевич часто ходил к нему на хутор и подолгу беседовал с его гостями, двумя мужчинами, привлекшимися по делу 193-х.

«...Может быть, им полезно, — делится он потом с женой. — А мне тяжелы эти разговоры. Это люди подобные Бибикову и Василию Ивановичу, но моложе. Один особенно, крестьянин (крепостной бывший) Лазарев¹⁹, очень интересен. Образован, умен, искренен, и совсем мужик, и говором, и привычкой работать. Он живет с двумя братьями, мужиками, пашет, жнет и работает на общей мельнице. Разговоры, разумеется, вечно одни — о насилии. Им хочется отстоять право насилия, а я показываю им, что это безнравственно и глупо. Они все эти дни ходят табуном, то к Бибикову, то к Василию Ивановичу. Я удаляюсь от них, но два раза подолгу беседовали...»

Льва Николаевича целиком поглотила забота по ликвидации имения. Вместе с Василием Ивановичем и восьмью кре-

ствиями он днями пропадал в степи, мерил, вычислял. Стояла жара, и усталость к вечеру валила с ног. Но дело подвигалось хорошо.

В воскресенье, 12 июня, Лев Николаевич пошел в Гавриловку. Встретился там с местными крестьянами Тимофеем Булыкиным, Василием и Леонтием Федотовыми, Кузьмой Зайцевым, Николаем Чирьевым и другими. Состоялся разговор о равенстве, православии, о жизни, которая будет через 100 и более лет.

Полицейский осведомитель на имя начальника Самарского губернского жандармского управления об этой встрече доносил:

«...граф Лев Николаевич Толстой старался внушить крестьянам «принцип равенства, что все должны делиться друг с другом, церкви украшать глупо, так как это составляет напрасную трату денег, что не нужно будет замков к амбарам, так как все будет общее и что тогда явится благодать на землю. Что он составил на этот счет Евангелие, которое не понравилось правительству, и поэтому его сожгли, но у него в деревне все-таки оно осталось. Что он пять лет отстал от православия, но к какой секте пристал, не сказал, и крестьяне увидели из его беседы, что он отвергает власть и правительство, а поэтому по выходе из беседы заключили, что он не сектант, а просто социалист...»

11 июля 1883 года на имя самарского губернатора поступает рапорт бузулукского уездного исправника Бехтеева о том, что «...Граф Толстой Лев Николаевич, бывая в Гавриловке и разговаривая с крестьянами, внушает им, что их понятия об учении Господа Иисуса Христа ложны, что напрасно они устраивают храмы, совершают богослужения и молятся вьявь, что, по учению Спасителя, люди, живущие на земле, все равны между собою, никто ничего не должен считать своим, все общее: царства на земле нет, оно в самом человеке.

На возражение крестьянина того села Тимофея Булыкина (староста церковный) от чего он, придерживаясь учения Спасителя, — не раздает даром имения, а сдает за деньги, граф ответил, что лично согласен даром отдать земли, но ему не позволяет жена...»

Все эти доносы полицейских осведомителей — результат секретного циркуляра господина министра внутренних дел по департаменту полиции от 11 сентября 1882 года за № 1202 об установлении за Львом Николаевичем негласного наблюдения за связь с сектантами.

Лев Николаевич чувствовал это наблюдение, избегал встреч с молоканами, но, сойдясь с ними, говорил все, о чем думал. «Пусть доносят!» — писал жене.

Работу по ликвидации имения он не окончил. Софья Андреевна, досадуя на задержку мужа, прислала ему письмо, полное горечи. Тяготы от разлуки, болезнь детей коклюшем измучили ее. Лев Николаевич, поручив довести дело до конца новому управляющему, принятому взамен отказавшегося А. А. Бибикова, 28 июня выехал в Ясную Поляну. Больше он в наших краях никогда не был.

Управляющий сдал на год все имение участками гавриловским и патровским крестьянам и в июне 1884 года уволился, оставив не взысканными 10 тысяч рублей. Лев Николаевич просил Бибикова и Алексеева «получить их и употребить на пользу бедных деревень для оказания помощи нуждающимся, на школы, на организацию зимних заработков». Но взыскать в срок долги — значит надо действовать через мирового судью, на что никто не мог решиться.

Софья Андреевна, в противовес желанию мужа, просила Бибикова собрать деньги и выслать ей лично. Бибиков на эту просьбу ответил отказом, и «восточный вопрос» (о самарском имении) в семье Толстых был закрыт.

Связи сохранились

Пребывание Льва Николаевича Толстого в Самарском Заволжье оставило в его душе глубокий след. О чем он отметил в записи от 19 июня 1896 года в дневнике: «Раз вышел на заказ²⁰ и заплакал от радости, благодарный за жизнь. Очень живо представляются картины из жизни самарской: степь, борьба кочевого патриархального с земледельческим, культурным...»

Отдельные моменты из самарской жизни были отражены им в произведениях. В сказке-легенде «Много ли человеку земли надо» описаны красота башкирских степей и самобытность ее поселян. В романе «Воскресение» — сход гавриловских крестьян, на котором Лев Николаевич решал свой земельный вопрос.

Прообразом Набатова в этом же романе стал Егор Лазарев, живший на хуторе Бибикова.

Слово Василия Никитыча Курноскина «двистительно», которое он часто употреблял, введено в разговор первого мужика в комедии «Плоды просвещения».

С выездом в Ясную Поляну Толстой не прерывал связей с Заволжьем, вел активную переписку с крестьянами, из которой узнавал о новостях их жизни, помогал материально. Те благодарили его за внимание и помощь, позволяющую засеять «лишнюю десятину». Называли Льва Николаевича «сожалетелем», «братом», «богом возлюбленным», «однообщинником».

Секретарь писателя Н. Н. Гусев в книге «Два года с Л. Н. Толстым» вспоминает: «Не раз я слышал от Л. Н., что когда он получает письма и видит на конверте правильно и четко написанный адрес, то такие письма менее его интересуют, чем письма с безграмотным и непривычной рукой к письму написанным адресом...».

Связи Толстого с Заволжьем длительное время осуществлялись через старшего сына Сергея Львовича, который 7 лет после отъезда отца занимался самарским имением, второго сына Льва Львовича, помогавшего голодающим Бузулукского уезда в 1891—1892 годы.

В 1900 году по поручению писателя в наш край приезжал с благотворительными целями его слуга Иван Зябров.

Положение крестьян в то время, как и раньше, было тяжелым. Голод и нищета с каждым годом ужесточались. Местные богатеи, государственные чиновники при взимании податей, налогов и долгов не стеснялись в выборе средств и приемов. Насилие через продажные суды, открытый разбой стали обычным явлением.

Об одном таком разбое сообщил Льву Николаевичу Толстому гавриловский крестьянин Николай Чирьев (письмо дается в некотором сокращении. — И. А.).

«Ваше сиятельство Лев Николаевич! Ниmog я проминовать чтобы ниуведомить бы вашей милости, в марте месяце, 7—8—9 числа натающего 1884 года. Приехали к нам в с. Гавриловку Становой пристав 2 стана бузулукского уезда Арефьев Согласно приписания Г. Губернатора Самарской Губернии Свирбева, согнали весь скот, у жителей с. Гавриловка лошадей коров овец во одно место на площадь для продажи со окуцонного торга и деньги чтобы вырученные влажить во уплату податей недоимок и продовольственного капитала. Но жители весьма испуганные оробели, закладывали кто скот кто именья а кто последние семена, в теченья 4-х суток Собрал в С. Гав-

риловка 8 тысяч руб и до такой Степени разорил многих что в селе зерна Семенов, а в скоте уже щету нету... у каждого жителя... свидено 2 лошади 2 коровы амелкий скот когда это тута все отодовали все милое низа почти что Дором, на пример Лев Николаевич; вы знали у нас лошадь Соврасова мерина над которым любовались который плохо стоил 100 р, а мы падобно ему и другого т. е. 2-х от дали за 98 руб — с. вот так жаль было растоватся с этими жавотами как душа с телом растовалось, Лев Николаевич Я типеря остался почти что пешим, и семенов ни осталось зимли у меня вспахано 6 Д. азасевать ни знаю чем стану вот вот в беде что стану Делать, низнаю, такой был плач и вопль в С. Гавриловка Этакого горя как началась Гаврилавка 50 слишком лет еще никто ни видал, такое было бедствие подобно египескому ни лудше Сказать как к доvidу являлся пророк-гад и говорил ему три зла наведу я на тебя избирай себе одно, так и пристав 2 стана бузулукского уезда Сказал жителям С. Гавр... хатите добровольно весь недоимок или нивольно отберу у вас все движимое, жители просили пощады но ни кто их не послушал...

...а скот который оставался наплощади нипроданный пристав 2 с. бу. уе. забрал его ссобою в с. Аликсеевку Зимлянки тош и продал там за сколько хотел в нисвоевременной разорил крестьян, оставил их пешими Нагими и голодными, как типеря крестьяне будут одумовать свое бедствие Крестьяне, (подготовили) было плуга бороньи и другие при Надлежности готовились приступить к висенним работам засевать хлеб но он отнял у всех все мысли — мое оставил почти что каждого без скота и Семенов. Что будут теперя делать бедные крестьяне.

Я думаю Себе ниужели такой виликий плачь и вопль Нидойдет до выших властей что нисвоеременно Нимилостиво поступили с крестьянами, что вопль жницов Доходит До господа Соофа а такой плачь нидойдет на Зимле до земных властей.

Разорить крестьян До крайности ни думаю, с сталобить Богу так надо...

Село Гавриловка Чирьев марта — 11 дня 1884 г.»

Как реагировал на это письмо Лев Николаевич, не известно, но сам факт обращения к нему — свидетельство веры крестьян нашего края в добродетель великого гуманиста, в его способность глубоко понять нужду обездоленных.

* * *

Летом 1891 года сын Льва Николаевича Толстого Лев Львович приехал на хутор отца, который на Моче, чтобы по-

смотреть, какой стала степь и как живут люди. Дорога от станции Богатое шла через село Лещево и хутор Седышовых, Корнеевку и дальше по старому маршруту — Алексеевку, Патровку, Гавриловку.

Вез его местный извозчик Григорий Иванович, человек пожилой, много повидавший на своем веку.

Проезжая Алексеевку, Лев Львович заметил, что в селе очень мало хороших построек. Много полуразвалившихся деревянных избышек и мазанок с глиняными крышами. Вместо окон — отверстия. В селе — маленькая деревянная церквушка и строится большая, кирпичная. Речка Свезжая очень жалка, с разрушенными берегами.

На хуторе провел несколько недель. Часто бывал в гостях у бывшего управляющего имением Бибикова, беседовал с ним о положении крестьян, навещал соседние села.

Лето было по-настоящему огненным. С самой весны солнце палило немилосердно. Земля накалялась так, что босиком по ней нельзя было пройти. Хлеб почти весь сгорел, травы настолько были скудными, что во многих местах их не пронула мужицкая коса. Скот не пасли, держали в сараях, а люди прятались в своих жилищах и выходили больше ночью.

Урожай сняли до крайности бедный: по 3—4 пуда с десятины пшеницы и по 15—20 пудов ржи. В среднем на семью до нового урожая приходилось по 20—30 пудов. С целинных земель и залежей сняли побольше. Но такие земли были только у богатых.

В октябре 1891 года картина голода прояснилась полностью. Крестьяне начали есть хлеб с различными добавками, вроде мякины и желудей. Земство помогало слабо. Его годовых подачек хватало только на 10—15 дней.

Предвидя неминуемое голодание, крестьяне, у которых были кое-какие денежные сбережения, покупали дешевых лошадей, резали и солили в кадушках. Лошадь стояла в то время от 2 до 4 рублей.

Будучи в Москве, Лев Львович получил письмо от Бибикова, в котором тот писал, что «Вы сами видели урожай нынешнего года. То, что мы предполагали, наступило. Ни у кого нет хлеба уже давно. Земство помогает недостаточно. Народ распродает скот, имущество, сбрую, платье и ходит, друг у друга прося милостыню. Начинаются болезни, воровство и все последствия голодания».

Лев Львович, собрав среди студенчества 200 рублей, выехал в Заволжье. Приехав в Самару, пошел на прием к губер

натору с расчетом полнее узнать обстановку и авторитетом отца побудить его к содействию.

Губернатор принял любезно. Но, узнав, что у Льва Львовича только 200 рублей, сказал:

— Сомневаюсь в пользе задуманного вами дела, но желаю успехов. Прошу только народ не мутить.

...На станции Богатое Льва Львовича встретил знакомый извозчик Григорий Иванович, который по дороге подробно рассказал о мужицкой нужде.

Увидев только что приехавшего сына своего друга, Алексей Алексеевич Бибиков пригласил его к себе. Привел в мазанку, которая отличалась, как и прежде, чистотой и уютом, предложил отдохнуть. Но было не до отдыха. Хотелось скорее в деталях узнать, что делается в округе и что можно предпринять, чтобы облегчить участь голодающих.

Алексей Алексеевич обстоятельно отвечал на вопросы гостя, но от рекомендации конкретных мер воздерживался.

Утром Льва Львовича разбудил шум большой толпы людей, находившейся во дворе.

— Народ хочет вас видеть, — сказал Алексей Алексеевич. — Откуда-то узнали: избавитель приехал.

Лев Львович торопливо привел себя в порядок и вместе с Бибиковым вышел к толпе. Крестьяне, как по команде, сняли шапки и отвесили низкий поклон, некоторые попадали на колени.

Увидев большую толпу мужиков, баб, детей и стариков, в общей сложности человек 400, Лев Львович вздрогнул, и ему сразу стало не по себе. Молнией прожгла мысль: «Разве можно что-либо сделать на 200 рублей?»

Пришлось объяснить людям, что у него мало средств и он не может заметно помочь им. Попросил разойтись по домам, обещав, что, как только вернется в Москву, добудет больше денег и тогда... В ответ толпа разногласно загудела, пришла в движение.

— Три дни ничего не ели!

— Спаси от погибели!

— Кормилец, зачем от себя гонишь? — выкрикнула одна баба. — Дома детишки припухли от голодухи, а муж без памяти от горячки. Как же я приду к ним с голыми руками?

Многие плакали. Долго не расходились люди, но сыну Толстого поверили, двор Бибикова постепенно опустел.

После встречи с крестьянами Лев Львович крепко задумался. Положение голодающих расстроило его, навеяло грустные мысли, но вместе с тем обострило понятие о голоде, по-

звало к активным действиям. Деньги, которые привез, отдал Бибикову с просьбой поддержать самых бедных и немедленно выехал в Москву.

Там он развернул большую работу по сбору средств для помощи голодающим. Люди охотно шли на пожертвования, особенно студенчество.

Лев Николаевич не мешал сыну, не охлаждал его пыл немедленным подкреплением. Но подвел Бибиков, приславший уведомление о том, что в Бузулуке на имя Льва Львовича лежит куча денежных пакетов.

Лев Львович, захватив деньги и лекарства для больных, в срочном порядке вернулся в Самару. Здесь он встретился с одним из самых богатых землевладельцев губернии Аржановым, весьма странным человеком. С позеленевшей бородой, одетым в рваное пальто и с плохонькой фуражкой на голове.

Сына великого писателя он принял в маленькой комнате, в которой стоял клеенчатый, вытертый до мочалок, диван. Лев Львович попросил помочь землякам деньгами и хлебом. Аржанов спокойно выслушал просьбу и тихо, но решительно отказал.

В глубоком раздумье о судьбах богатых и бедных доехал Лев Львович до станции Богатое. Сойдя с поезда, вскоре увидел Григория Ивановича и содрогнулся. Извозчик так похудел, что выглядел мальчиком. Давным-давно дубленая шубка висела на нем, как на черенке кнута. Лошади еле держались на ногах.

Когда тронулись от станции, Григорий Иванович проговорил:

— Целую неделю вас стерег. Кормить нечем ни лошадей, ни свою семью.

По его лицу пробежала тень глубокой печали, глаза увлажнились.

Приехав в Патровку, Лев Львович переночевал у молоканина Симона Егоровича и наутро отправился в волостное правление. Гостя встретил староста — ласковый мужик, с окладистой бородой, с медной медалью на груди. В волостном правлении состоялся разговор о формах помощи голодающим. Лев Львович вначале поставил вопрос, не повредит ли помощь крестьянам? Ведь некоторые люди думают и говорят, что частная помощь развращает народ, располагает к праздности. Присутствующие в правлении мужики, услышав это, даже ахнули. Народ погибал, и не помочь ему — значит ускорить гибель.

О формах помощи мнения разделились. Одни предлагали помочь хлебом, другие — открыть столовые и кормить в них голодающих. Решили попробовать и то и другое.

Льва Львовича устроили на квартиру в дом вдовы кабатчика Шихобалова.

Утром следующего дня Лев Львович поехал к Бибикову, прихватив с собой списки остро нуждающихся крестьян.

На первых порах крестьянам выдавали муку и кормили в нескольких столовых. Убедились: столовые приносили больше пользы. Ими были довольны и крестьяне. Тогда в Патровке, Гавриловке и других селах Бузулукского уезда начали открывать столовые, пекарни, подбирать для них работников. Всего было открыто около 200 столовых, которые кормили до 20 тысяч крестьян.

В письме к сыну в Патровку от 23 декабря 1891 года Л. Н. Толстой подтверждал: «В Самаре именно такие условия, в которых больше, чем где-нибудь, необходимы именно даровые столовые».

Наряду с организацией питания для голодающих Льву Львовичу приходилось заниматься лечением крестьян от многих болезней. В ближних селах, как и во всем уезде, люди болели цингой, тифом, сифилисом.

С осени 1891 года в Патровке умирало по 7—8 человек ежедневно. Решено было обследовать каждый дом. Волостное правление выделило для этого мало-мальски грамотных людей, которых распределили по участкам. В той части, где обход делал Лев Львович, было 128 дворов, в них болело 250 человек. В отдельных дворах представлялась страшная картина. В одной избе на полу, заваленном тряпьем, лежало несколько тифозных, и только одна молодая баба с воспаленными глазами стояла у печки, судорожно водя рукой по черенку ухвата. В ряду лежали мать, отец, муж, деверь и сестра. Отнести на погост их некому.

Льву Львовичу пришлось видеть семью, заживо разлагающуюся от сифилиса.

На основе достоверных данных он пишет в бузулукское земство и столицу письма с просьбой прислать медицинских работников. После долгой переписки удалось выбить одного. Им оказался сверхштатный врач, молодой и неопытный. А болезни, как пожар, распространялись по селу, захватывая все новые и новые семьи.

Лев Львович вновь начал ходатайствовать о помощи перед земством и соответствующими ведомствами в столице. Нако-

нец в Патровку прибыл медицинский отряд с двумя врачами и шестью фельдшерами.

Началась титаническая борьба за спасение человеческих жизней. Пустые крестьянские избы превращались в больницы, здоровые люди не жалели сил для того, чтобы потушить этот страшный пожар. Женщины, рискуя жизнью, шли в опасные очаги нянечками и сиделками.

Много сил и упорства вложил Лев Львович в дело спасения голодающих крестьян Бузулукского уезда, однако его деятельность пришлось не по вкусу земскому начальнику Слободчикову, который обратился к нему с письмом: «Милостивый государь, граф Лев Львович! Меня крайне опечалило то обстоятельство, что вы изволите открывать столовые в Виловатовской волости 2-го земского участка без всякого ведома для меня, земского начальника... Я со своей стороны, как ближайший начальник над Виловатовской волостью думаю, что открытие вами столовых в этой волости (исключая с. Покровки) ничего кроме вреда (?!) для населения в смысле усиления праздности (?!) не принесет, с которой потом придется возиться (?) нам же, земским начальникам, ибо вы в скором времени, вероятно, покинете Самарскую губернию».

По указанию Слободчикова столовые были закрыты. Но через некоторое время по указанию губернских властей, откликнувшихся на ходатайства Льва Львовича, они снова были открыты.

* * *

Конец 90-х годов прошлого столетия для Самарского Заволжья характерен дальнейшим усилением эксплуатации беднейшего крестьянства, углублением классовых противоречий. Всякое проявление неугодного властям действия пресекалось беспощадным образом. Особенно страдали молокане. За свою открытую проповедь непризнания церковей и государства, призыв к духовной свободе они подвергались гонениям, не обходившимся без изуверства.

Становые приставы, полицейские рыскали по селам, насильственно отнимали у молокан детей и увозили в монастырь. В Алексеевской волости отняли у Ивана Болотина двух дочерей и сына. Старшей дочери исполнилось 13 лет, младшей — 11, сыну — 5; у Федора Самошкина — пятилетнего сына. У бобровского крестьянина из Оренбургской губернии Всеволода Чепелева — двух мальчиков и девочку, у Якова Тишкина из Романовки — мальчика.

Детей поместили в Спасском Преображенском монастыре Николаевского уезда.

Родители приехали в Самару. Ходили к губернатору, архиерею, жандармскому полковнику, но нигде не могли добиться толку. Чиновники губернатора говорили, что начальник губернии тут ни при чем, кашу заварил архиерей. Пошли к архиерею, но там ответили:

— Владыка тут ни при чем, дело затеяла полиция.

А там разговор был коротким:

— Пошли вон! Жалуйтесь куда хотите!

Миссионеры в монастырях объявили, что дети будут на попечении до тех пор, пока родители не покаются и не отрекутся от молоканской веры.

Чепелев, Болотин и Самошкин отбили телеграмму императору, но ответа не получили. Поехали в Ясную Поляну. О пребывании молокан Лев Николаевич записал в дневнике: «Нынче 19 сентября 1897 Я. П. Больше месяца не писал... перебило нездоровье... Еще перебило работу приезд из Самары молокан, — об отнятых детях. Хотел писать за границу и написать даже очень резкое и, мне казалось, сильное письмо, но фраздумал.

...Нынче написал письма: Государю, Олсуфьеву²¹, Неат'у²² и Ел. Ив. Чертковой²³ и отправил молокан».

8 декабря 1897 года В. Чепелев известил Льва Николаевича о том, как молокане ездили в монастырь повидаться со своими детьми.

«...Собрались мы ехать и выехали 23 числа ноября, — пишет Чепелев, — приехали туда 24 числа, расстояние от нас до монастыря 200 верст, где находяца наши дети, но как мы не доехали до монастыря 30 верст, нас застала ночь, и мы заехали на квартиру для ночлега, но как мы с нетерпением наших родительских сердец не могли дождаться дня, выехали очень рано, приехали на солнечном восходе к монастырю, где находяца наши дети; подходим к воротам крепости, где стоит караульщик и говорит, что вам угодно; но мы отвечаем ему: что мы приехали повидать своими детьми, которые у нас отобраны и здесь помещены. Но караульщик отвечает, погодите, я доложу архимандриту, отцу Тихону, который сейчас отправился для доклада... Затем приходит к нам и говорит, так что Чепелев заходи, Самошкин Федор отправляйся назад, потому что отец Тихон вам не позволяет. Чепелев заходит в монастырь и встречает меня Тихон... и пригласил меня, но я говорю ему: Ваше священство, там еще товарищ наш, о знаю, Федор, — он чтобы ехал назад, ему не позволяю видеть его сына и призы-

вает одного монаха и говорит Мирон, поди скажи чтобы Федор ехал назад, его не допущу повидаца. Но Федор со своею женой то есть с матерью отобранного мальчика Ефима.

С нетерпением своих родительских жалостных сердец все не отходят от ворот и просят караульщика, чтобы он еще доложил отцу Тихону, может быть не посожалеет ли и не допустит ли повидаца. Эта много раз повторялась просьба и отец Тихон нина что не обратил никакого сожаления. Но мать мальчика с грудным ребенком на руках с самого утра и до самого вечера с горькими плачем и воплем и от холода вся заоченела, изнемогла, а муж ее Федор всячески убеждал уехать назад, но она растерзанная сердцем своим говорит так, что здесь умру, если не увижу свою милую дититку Ефимашку и неутешно плачет и все думают, может быть отец Тихон сожалеет, но отец нина что не смотрит. Но служащих обо всем этим докладывает архимандриту, и он так говорит, хоть сейчас замерзни и умри, а повидаца не допущу. При таком случае случись две женщины из соседней деревни Пузановки, которая находится неподалеку монастыря в расстоянии около одной версты и очень жалились над ней и видют ее слезы и горький плач и душевную скорбь и от холода изнеможение. И говорят караульщику, который стоит у ворот крепости надо ее обогреть, а то она замерзнет от холода, а он им говорит, что ведь отец Тихон не велит. Но эти женщины кое как упростили караульщика и завели ее в караулку и обогрели; потом отец архимандрит после вечерни повелел повидаца только что так, вывели мальчика им и потом сию минуту назад им велели немедленно уходить. Затем призывает Федора одного особо и говорит ему Федор, ты больше не ездй суда, а если вы приедите, то тогда на меня не пеняй, а вас отправлю отсюда этапом.

Еще отобрали мальчика 12 лет в селе Романовке 13 октября у крестьянина Николаевского уезда Якова Тишикина, отбирал становой пристав; известный вам, который у вас был Сиволот Трофимович Чепелев; чего вам написали это все верно и истинно, еще просим вам милостиво, наш сожалетель Лев Николаевич, если приедет к вам наш человек Яков Петрович Куклин из села Антоновки примите его без всякого сумления и передайте ему все, что вам известно о нашем деле; потому что очень грустно.

С искренним сердечным нашим почтением к вам, любящий вас Сиволот Трофимович Чепелев».

25 января 1898 года Лев Николаевич пишет Николаю II прошение от имени молоканина Самошкина о возвращении детей, отобранных самарскими миссионерами. В письме от этого

же числа просил известного юриста А. Ф. Кони²⁴ похлопотать в сенате.

Но император молчал, хлопоты в сенате успеха не имели.

Вскоре последовал второй приезд молокан к Толстому. Тогда он посылает телеграмму дочери Татьяне Львовне, находившейся в Петербурге по делам издательства «Посредник», в котором печатались его произведения: «Молокане приезжают вторник Петербург хлопотать детях. Отложи отъезд помочь им».

Татьяна Львовна, получив телеграмму, много думала над тем, куда пойти, советовалась с высокопоставленными чинами, — людьми, почитающими гений отца, и, наконец, решила сходить к обер-прокурору Святейшего синода Победоносцеву, резиденция которого была в доме церковного ведомства, на Литейной улице.

О встрече с обер-прокурором Татьяна Львовна рассказывает в дневниковой записи от 4 февраля 1898 года: «Я решила телефонировать и спросить, когда могу застать Победоносцева. Он назначил мне свидание на следующее утро...

Войдя в переднюю, я сказала швейцару доложить... что графиня Толстая хочет его видеть. Швейцар спросил: «Татьяна Львовна?» Я сказала: «Да». — «Пожалуйте, они вас ждут». Я прошла в кабинет, в который тотчас же вошел Победоносцев...

Он протянул мне руку, подвинул стул и спросил, чем может мне служить. Я поблагодарила его за то, что он меня принял, и сказала, что отец ко мне прислал молокан с поручением помочь им. Я ему рассказала их дело и откуда они.

— Ах, да, да, я знаю, — сказал Победоносцев. — Это самарский архиерей переусердствовал, — я сейчас напишу губернатору об этом. Знаю, знаю. Вы только скажите их имена, и я сейчас же напишу...

Потом он сказал, что слышал, что детям в монастырях так хорошо, что они и домой не хотят идти.

Я сказала, что это может быть, но что для родителей большое горе — лишение своих детей.

— Да, да, я понимаю... у шестнадцати родителей отняты дети. У нас и закона такого нет.

А я только что видела этот закон у Кони и не удержалась, чтобы не сказать:

— Виновата, этот закон, кажется, существует, но, к счастью, не был применен.

— Да, да...

Я встала и простилась. Победоносцев проводил меня до лестницы, спросил, надолго ли я в Петербурге, у кого я остановилась, и на верху лестницы опять простился со мной.

Вдруг, когда я сошла вниз и стала надевать шубу, он опять вышел и окликнул меня:

— Вас зовут?

— Татьяной.

— По отчеству?

— Львовной.

— Так вы дочь Льва Толстого?

— Да.

— Так вы знаменитая Татьяна?

Я расхохоталась и сказала что я до сих пор этого не знала.

— Ну, до свидания.

Я ушла и всю дорогу домой хохотала и придумывала, зачем он притворился, что не знал с кем говорил, когда швейцар назвал меня...»

Татьяна Львовна вынесла о Победоносцеве самое неприятное впечатление. Он представился ей двуликим и подленьким. Не знала она еще о том, что этот «великодушный» человек докладывал самодержцу о необходимости заточить ее отца в арестантское отделение Суздальского (Спасско-Ефимиевского) монастыря без права писать.

Монастырь славился крайней бесчеловечностью в обращении с арестантами и длительностью заключения. Священник Золотницкий за переход к старообрядцам просидел в казематах монастыря более 30 лет. Раскольничие епископы Аркадий — 27, Конон — 22 года и Геннадий — 18 лет.

Дети молокан были возвращены родителям в начале марта 1892 года.

Противление злу

В начале 80-х годов в Бузулукском уезде Самарской губернии активно шел процесс разложения общины, перераспределения земель в пользу зажиточных крестьян. В 1894 году в Гавриловке из 360 дворов 79 были безземельными, 24 обраба-

тывали свои наделы чужим инвентарем, а 36 не обрабатывали совсем.

Сосредоточение сельскохозяйственного производства в руках немногих, неравные возможности в его организации привели к тому, что зажиточная часть крестьян для обработки своих обширных наделов вынуждена была прибегать к найму рабочей силы, беднейшая же часть — навсегда порвать с землей и перейти на положение батраков.

В 1884 году в уезде 11,7 процента зажиточных крестьян нанимали батраков как на год, так и посезонно.

Выталкивание большой массы крестьян в ряды пролетариата усиливалось еще тем, что в поисках выхода из тяжелого экономического положения часть бедных землевладельцев начала заниматься промыслами, имея в виду их как подспорье в облегчении своей участи. А некоторые крестьяне, оставшиеся без земли, не пошли гнуть спину на богатых и занялись постоянной промысловой деятельностью, хотя от зависимости и не избавились.

По статистике первой половины 80-х годов в Патровской волости промыслами занимались 414 человек, в Алексеевской — 805. Характерными промыслами для них были: мукомольный, плотничий, сапожный, портняжный.

К промыслу все чаще стали обращаться и женщины: добывали мох, крутили шерстяную и льняную пряжу, жали хлеб, занимались прополкой, делали кизяк, портняжничали, шли в кухарки, прачки, становились повитухами. Особенно тяжело было вдовам. Некоторые из них, имея, по решению общины, часть земли, которой прежде пользовался муж, были не в состоянии ее обрабатывать, и выращивание хлеба, как источник существования, окончательно утрачивал для них всякое значение.

Определенные группы крестьян, как и в начале 70-х годов прошлого века, уходили на «новые места» искать счастья. Долго блуждали они по России в качестве поденных работников и, промотав последнее, возвращались назад. Только в 1884 году из Оренбургской губернии вернулось 14, из Сибири — 23,2 процента переселенцев. Армия сельских пролетариев пополнялась.

Долги крестьян росли. На 1 января 1885 года общая сумма казенных долгов (неуплаченных податей и местных сборов) в Гавриловке составляла 5 348 рублей 20 копеек, за продовольственную ссуду — 6 036 рублей 60 копеек. Или на каждого работника приходилось по 26 рублей 50 копеек. В Патровке имелись только казенные долги в сумме 5 009 рублей 90 ко-

пеек, которых на каждого работника приходилось по 7 рублей 10 копеек. В Алексеевке были те и другие, всего 13 567 рублей 60 копеек, на работника падало 16 рублей 10 копеек.

В 1889 году в среднем Поволжье вновь разразился голод. Он охватил Казанскую, Сибирскую и Уфимскую губернии. Люди, как и прежде, пухли от голода, гнили и разлагались от цинги, гибли от тифа. А вице-губернатор Самары Кондоиди настойчиво утверждал, что «никакого голода нет, а есть лишь легкий недород».

При первых же известиях о голоде в Самаре местная интеллигенция создала частный кружок по оказанию помощи детям голодающих. Намечалось открытие бесплатных столовых для детей.

В феврале 1899 года к А. С. Пругавину, работавшему в Самаре секретарем губернской земской управы, захали из Москвы патровские молококане во главе с начетчиком Василием Константиновичем. Они сообщили, что Лев Николаевич очень хотел знать положение, в котором находится население Поволжья после неурожая, особенно в Самарской губернии.

Пругавин пишет Толстому письмо, в котором рисует неприглядную картину. Лев Николаевич помещает его в 62-м номере «Русских ведомостей» от 4 марта с предпосылкой от себя в несколько строк и кратким отчетом о денежных пожертвованиях, которые он получил.

Письмо Пругавина с предпосылкой Льва Николаевича сделало свое дело. В адрес кружка начали поступать пожертвования. За несколько месяцев поступило более 250 тысяч рублей.

14 апреля сын Льва Львовича граф Андрей Львович передал Пругавину от отца два банковских перевода на 2 200 рублей, 16 апреля Татьяна Львовна прислала 900 рублей, затем 29 мая Лев Николаевич перевел 441, 9 июня — 600 рублей, из них 23 рубля для алексеевских детей, 17 июня — 700 рублей, 19 июня — 800.

В результате самарскому кружку удалось поддерживать определенную часть голодающих детей, их родителей, которые имели теперь возможность употребить дополнительный кусочек разнотравного месива и кружку мутной жидкости. Но голод был неумолим: люди слабели, умирали...

Учение Льва Николаевича о любви к ближнему пришло в особо острое противоречие с жизнью. В письмах к нему крестьяне постоянно приводили яркие примеры беззастенчивого грабежа со стороны местных кулаков, писали о том, что так дальше жить невыносимо. Алексеевский крестьянин Афанасий Кудряв-

цев в письме к Толстому от 11 апреля 1899 года так обнажил механизм системы ограбления: кулак дает бедняку займы хлеб, чтобы потом, в обусловленный срок, тот вернул ему долг деньгами: пшеницу по цене 1 рубль 50 копеек, ржи по 1 рублю. Бедняк набирает хлеб, скажем, на 25 рублей, но по неписаному закону должен дать документ на 50 рублей. Удвоение цены здесь выступает гарантией возвращения долга на первую сумму. Если крестьянин окажется не в состоянии вернуть в срок 25 рублей, то долгодатель имеет право через суд взыскать с него 50 рублей.

«Выдавшие такой документ бедняки, — пишет Кудрявцев, — при наступлении срока рассчитаться, дабы не заплатить вдвойне; но кулак... в этом случае... осенью на базаре понижает цены на хлеб так, что бедный крестьянин продаст пшеницу пуд 60—70 копеек, а рожь — 30—40 копеек. Тут есть убыток? На 80 копеек и 60 копеек. Но ведь на носу еще зима? И опять крестьянин покупает этот хлеб по высокой цене, следовательно, он в год платит кулаку на рубль процентов 1 рубль 60 копеек и 1 рубль 20 копеек. Эти-то проценты не приносят крестьянину вред? Я уверяю всех и каждого, что настоящее зло, доведшее крестьян до нищенства есть неподильные проценты».

1901 год был неурожайным. Бывший земельный участок Л. Н. Толстого по реке Моче в 3 тысячи десятин, который по сходной цене, по рублю за десятину в год, арендовали гавриловские крестьяне, был продан Андреем Львовичем — сыном писателя — самарскому купцу Соколову. Предприимчивый купец распахал землю и стал сдавать ее за очень высокую цену.

По этому поводу В. Ф. Чирьев 25 ноября 1901 года писал Льву Николаевичу: «... прошед. год, т. е. 1900 был у нас урожай, но на голодное и голое брюхо очень много надо, а нынешний, 1901 год неурожайный в наших окрестностях урожай нигде ни привышало более 30 пудов. Мало очень мало. Мы лишились своих добродетелей. Да, Лев Николаевич, истинно, что лишились, увы нам Нищасным, Бывший ваш участок Самарской Губ. пиришел в руки кулака и именно что кулака Землю нынешний год распахал Болия 3000 Десятин ценою высокой от 17 и До 30 руб. за десятину а которая зимля ни разбира-лась этою раздовал.. за хлеб от 17 До 23 пуд пшеницей за десятину таких кулаков в наших окрестностях еще не слыхано Было о горе нам ныне нам лишенным таких благодетелей...

Ни от коля и никому никаких пособий нет, весь наш люд собираются 10-ми и 100-ми такая толки в народи но зделать ничего не могут перед земством ходатоствовать о пособия нина-

дут Без выщей власти Дороги, а у нас в каждом селении есть состоятельные люди но у нас пашел такой порядок, что бы снять с бедного всю верхнюю одежду взять в залог забезценок, а хлеб положить в две цены т. е. так бедного наградить что бы он был век ничеловек у нас в засм то Дают тем от кого надеются сейчаже получить т. е. Дают Богачь Богачу».

Беднейшее крестьянство дошло до самого края пропасти. Терпение его лопнуло. По всему Бузулукскому уезду начались волнения. 17 ноября 1905 года на имя начальника Самарского губернского жандармского управления поступает донесение от помощника начальника Самарского жандармского управления в Самарском и Бузулукском уездах за № 1195.

«Спешно. Секретно.»

Сообщаю Вашему превосходительству, что сего числа мною получено нарочным донесение о том, что половина общества крестьян села Герасимовки, той же волости, Бузулукского уезда в числе 160 человек грабят хлеб и имущество соседних землевладельцев... Нападения совершаются и на жилые строения. Волостной старшина избит и отправлен в больницу. Никаких мер к прекращению грабежа и насилий не принимается. Благоразумная часть крестьян общества находится также в опасности, ничего поделать не может, просит помощи.

Беспорядки начались 24 числа.

Подполковник...»

2 декабря — второе донесение следующего содержания: «Сообщаю, что волнения среди крестьян Бузулукского уезда принимают опасный характер. Подати вносить крестьяне отказались, а внесшие их требуют возвращения и совершают насилия над волостными старшинами, многие из которых принуждены скрываться. Боясь насилия, старшины Борской, Вилатовской и Алексеевской волостей возвратили крестьянам внесенные подати, которые еще не были сданы в казначейство. Крестьяне сел Павловки, Алексеевской волости, и Бариновки, Домашкинской волости, самовольно рубят частновладельческие и удельные леса.

...К грабегам, производимым крестьянами села Герасимовки (донесение от 27 ноября за № 1195), присоединились крестьяне села Корнеевки. Хутор Мжельского совершенно разграблен, увезены даже доски от полов и потолков строений, а все, что нельзя увезти, сожжено. Грабят хутора Сапрыкина, Свинтицкого и Субботиной. Зажиточным крестьянам, имеющим хутора, прилегающие к наделам крестьян названных селений, дан трехдневный срок для вывоза с хуторов своего имущества с предупреждением, что по истечении этого срока иму-

щество их будет уничтожено. Пристав 2 стана вывез из села Алексеевки свое семейство и сам туда не показывается. Поездки унтер-офицеров становятся небезопасными.

Подполковник...»

14 декабря к «Его высокоблагородию господину Бузулукскому уездному исправнику» обращается крупный землевладелец села Алексеевка А. П. Сапрыкин:

«Копия

В ночь на 24 ноября сего года крестьянами селений Герасимовки и Корнеевки было сделано нападение на имение принадлежащее мне и лежащее близ селений Тарпановки и Герасимовки под названием хутор «Коданский», при чем крестьянами означенных сел разграблено около 9-ти тысяч пудов пшеницы, уведен скот, увезено сено и весь инвентарь хозяйственный, расхищен и из жилых помещений выломаны и взяты: полы, двери, окна и проч.

Крестьянами же сел Даниловки и Бобровки на участке моем под названием «Каменный» вырублен весь лес и часть фруктового сада, развезены с хутора разные запасы и в доме выломаны полы.

Крестьянами же сел: Патровки и Гавриловки в ночь с 27 по 28 ноября в имении принадлежащем мне под именем «Тучковский» разграблено из двух амбаров более 10-ти тысяч пудов пшеницы, взят весь инвентарь хозяйственный, угнано несколько лошадей и увезено сено. Обо всем этом моим доверенным Василием Егоровичем Афонасьевым в первых числах Декабря было передано Вам лично в г. Самаре, а мной в свою очередь, тоже лично сообщено было г. Начальнику губернии, при чем г. Губернатор в защиту моих интересов, обещался выслать казаков. Но вот уже 14 Декабря а казаков все нет. И крестьяне видя, что никаких законных мер к прекращению с их стороны безобразных и хищнических поступков ни каким начальством не предпринимается и очевидно и впредь рассчитывая остаться безнаказанными за свои незаконные действия, продолжают и в настоящее время на указанных мною хуторах развозить остатки хозяйственного инвентаря и последние запасы корма, крайне необходимого для оставшейся у меня скотины.

Сообщая о вышеизложенном я, покорнейше, прошу Вас, Ваше Высокоблагородие для устранения указанных беспорядков и разграбления в конец моего имущества немедленно принять энергичные и законные меры как к отобранию у похитителей расхищенного так и к охранению оставшегося».

Казаки, которых так нетерпеливо ждал Сапрыкин, прибыли

в Гавриловку в конце января 1906 года. С ними пожаловали уездный исправник, земский начальник и жандармы. Собрали сход для выяснения виновных в разгроме хутора, но таких установить не удалось. Кстати сказать, земское и уездное начальство и не собиралось это делать. После непродолжительного шума, в котором трудно было понять, кто задавал вопросы, а кто отвечал, крестьян начали выпускать из помещения по одному. Широкоплечие казаки сбивали с ног каждого, срывали одежду и пороли плетью. Виновных били за проступок, невиновных — в назидание. Герасимовских и корнеевских крестьян судили. Их обвиняли в том, что они «...приняли участие в публичном скопище... стремясь к захвату соседних частнособственнических земель путем насильственного удаления владельцев из их усадеб... Частью похитили, частью уничтожили... постройки, хлеб, сено и все имущество, составляющее хуторский инвентарь».

Многие из них были приговорены к восьми, четырем месяцам тюремного заключения. Вместе с тем суд оказался не в состоянии игнорировать очевидные факты крайнего обнищания крестьян, которые привели их к отчаянию. Он признал, что крестьяне жили в тяжелейших условиях, и был вынужден «... по вступлению сего приговора в законную силу, не обращая оный к исполнению», ходатайствовать через господина министра юстиции перед его императорским величеством о смягчении приговора, приняв «...в уважение неизбежность массового разорения крестьянских семей при продолжительном лишении свободы их главных работников, наличность тяжелых условий жизни сельского населения Бузулукского уезда, вследствие недорода. Совершение преступлений каждым из осужденных в отдельности не только под влиянием толпы, но и в тяжкое время почти повсеместной смуты...»

Противление злу в Бузулукском уезде выражалось не только в самовольном захвате помещичьих земель и разгроме хуторов, но и в отказе от воинской повинности. Об этом говорят письма алексеевских и патровских крестьян Л. Н. Толстому. Вот одно из них:

«Ясная Поляна Тульской губер, Крапивинского уезда Льву Николаевичу Толстому: Мир тебе брат Лев привествуют тебя братья Василий Михаил Григорий Степан Мироновы. Цель нашего письма брат Лев уведомить тебя о брати нашим по плоти Степани, который отказался от воинской повинности в 1905 году и как уже известно тебе был в городе Киеви в воинской госпитали в 13 отделении с братом Тихоном Кошевым. Он в настоящее время находится дома его Асвабодили 10-го

Января 1906 года. 17-го прибыл домой его признали душевно больным».

Отказ от воинской повинности принял довольно широкие масштабы. «Со всех сторон слышу об отказывающихся», — писал Л. Н. Толстой самарским крестьянам.

В народе говорили: «За какую же харю царю служить-то», — а людей, отказавшихся от солдатчины, называли «поборниками за путь истинный».

Лев Николаевич с глубоким пониманием относился к тяжелой судьбе крестьянских масс, с волнением откликался на все ее превратности. В произведениях того времени он особенно сильно обрушивал беспощадную критику на капиталистические порядки, насилие и подлость угнетателей.

Вместе с тем в ответах на письма самарских крестьян призывал к христианской любви к людям, к недопущению насилия.

В период революционных потрясений 1905—1906 годов пытается остаться «вне борьбы», но искрометная жизнь, развитие бурных событий, которые великий писатель не мог не заметить, обращали его к действительности.

Иногда он был готов признать правоту за революционерами, поднявшимися на борьбу с самодержавием.

«События совершаются с необыкновенной быстротой и правильностью, — писал Лев Николаевич В. В. Стасову²⁵. — Быть недовольным тем, что творится, все равно, что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают».

Перемены

Вот уже почти 100 лет прошло с тех пор, как Лев Николаевич Толстой побывал в наших местах. Не стало в живых людей, лично знавших великого мастера слова, но крепкая народная память сохраняет его образ немеркнущим в рассказах и легендах, которые передаются из поколения в поколение. Толстой живет в своих произведениях, с ним советуются, у него учатся. Люди тянутся не к слабым сторонам его учения, а к сильным. Их влечет вера в человека, которую он очистил от

мифического налета, убеждение в том, что только народ является творцом истории.

Читателя привлекает критический реализм Толстого, призыв к добрым братским отношениям между людьми, гневный протест против войн и многое другое, что помогает верить в окончательную победу добра над злом, которое существует на земле!

...Ковыльная степь, которую видел Лев Николаевич, преобразилась. Она стала хлебной. Если раньше раскаленные казахстанскими пустынями ветры врывались в наш край беспрепятственно и творили беды, то сейчас на их пути встали лесные полосы. Руками человека создается лесостепь. Сообразно меняется животный и растительный мир. В лесополосах нередко можно видеть лесных обитателей: лосей, косуль и других животных. Население занимается садоводством.

Во времена Толстого в земледелии господствовали трехполка, соха и серп. О той истощенности почвы, о которой рассказывал писателю гавриловский мужик Василий Никитыч Курноскин, в наше время не может быть и речи.

Во всех хозяйствах освоены многопольные севообороты, каждый год в почву вносятся органические и минеральные удобрения. Увеличиваются площади орошаемых земель, которых в районе около 2 тысяч гектаров, в Гавриловке — 288, в Патровке — 105, Алексеевке — 623. Воду берут из водохранилищ, сооруженных на реке Съезжей, глубоких скважин и открытых водоемов.

Поливной участок в Гавриловке питается водой из водохранилища, построенного в 2 километрах от бывшей усадьбы Л. Н. Толстого на Сухом Тананыке. Слова Льва Николаевича о том, что здесь «вода будет везде, где запрудишь пруд», оказались пророческими. В самом деле, место для огромного водохранилища подходящее: глубокая впадина с не пропускающим воду дном, высокие холмы.

Более 3 миллионов кубических метров сточных вод вместил в себя этот водоем. Каждый год весной, летом и осенью мощными перекачивающими станциями вода по трубам подается на гавриловские поля и разбрасывается поливными машинами «Волжанка». В солнечный день, когда через форсунки этих машин вода бьет капельным туманом, зажигается множество радуг. Смотрят люди на этот рукотворный феномен и радуются: дождь в степи по воле человека — явление сказочное, оно сделало крестьянина могучим в борьбе со стихией. Пока на поливных землях выращивают многолетние травы для кормовых целей. Снимают по 2—3 урожая в год. Стало

возможным запастись сено, сенаж и витаминно-травяную муку.

Впереди — освоение полива зерновых культур. Не за горами то время, когда по полям района пройдет мощный оросительно-обводнительный канал, в системе которого намечено строительство новых водохранилищ, заполнение и подпитка их волжской водой. Речка Съезжая станет полноводной.

Повышение культуры земледелия в нашем крае позволяет получать устойчивые урожаи. В среднем урожайность зерновых за последние 15 лет составила 10,2 центнера с гектара. В прошлом она была ниже в два с лишним раза.

Весенний сев, уборку урожая хлеборобы района ведут по плану, с применением новейшей техники. В районе 718 тракторов всех марок, 476 комбайнов, 258 автомобилей и много других машин и орудий.

На постоянном подъеме находится и вторая часть крестьянского дела — животноводство. В Алексеевском районе более 21 тысячи голов крупного рогатого скота, около 104 тысяч овец и больше 5 тысяч свиней. Раньше скот содержался в плетневых сараях, обмазанных глиной, сейчас — в просторных и светлых помещениях, сделанных из железобетона. Труд животноводов механизирован, есть условия для соблюдения санитарно-гигиенических требований. Теперь крупный рогатый скот перестал «язычить», «кашлять с течением слюны», лошади «не знают» сапа, «опухли головы», коросты, овцы — осыпы и «росы».

В 1884 году живой вес коровы не превышал 250 килограммов, годовой надой молока — 30—40 ведер, или 360—480 килограммов. Двухгодовалый баран весил не более пуда. За весеннюю и осеннюю стрижку с каждой овцы снимался клочок шерсти весом 3—4 фунта. Средний вес коровы на любой ферме в наше время не меньше 450—500 килограммов. От каждой коровы каждый год получают по 2 500 — 3 000 килограммов молока, а лучшая доярка совхоза «Прогресс» Анна Григорьевна Паренская надаивает по 3 500—3 750. На четвертом отделении этого же совхоза с каждой овцы снимают по 9 и более фунтов ценнейшей тонкорунной шерсти.

За последние годы развитие животноводства идет по пути концентрации и специализации. Одни хозяйства «набивают руку» на производстве молока, другие — шерсти и мяса (баранины), третьи — на откорме крупного рогатого скота. А летниковцы — внуки и правнуки бывших «плужников», тех умельцев, которые в 80-е годы прошлого столетия впервые в нашем крае начали делать деревянные плуги с железными лемеха-

ми, — выращивают телочек для улучшения молочного стада всего района.

Сейчас крестьянин не думает о том, как прокормить свою семью, этот вопрос теперь снят навсегда.

Рост производства и достаток взаимосвязаны. В десятой пятилетке заработная плата рабочих в районе возросла до 145 рублей в месяц, колхозников — до 140. Почти каждый рабочий и колхозник имеет подсобное хозяйство (огород, скот, птицу), от которого получает солидную добавку к семейному бюджету. Но зарплата и подсобное хозяйство не исчерпывают всех источников благосостояния. Люди пользуются общественным фондом потребления. На обучение одного ребенка в школах нашего района государство затрачивает ежегодно 232 рубля, на содержание койко-дня в больнице — 10 рублей 14 копеек, на содержание ребенка в детском садике в течение года — 251 рубль.

В корне изменился внешний облик сел бывшего Бузулукского уезда. Исчезли жилые мазанки со щелями вместо окон, выросли добротные деревянные и кирпичные дома. Застройка идет строго по плану. Появились прямые и широкие улицы с добротными домами и палисадниками. В жилищном строительстве обозначилась новая примета: количество индивидуальных застроек сокращается, а общественных — увеличивается.

В квартиры подводится вода, отопление, природный газ. Изменилась система водоснабжения сел и поселков. Отклонялись людям скрипучие журавли у колодцев, подававших «на гора» невкусную, иногда даже нездоровую воду. Теперь в уличные колонки она поступает из скважин глубиной 150—170 метров и используется только после тщательного лабораторного исследования. В селах района уложено 93 километра металлических жил.

Все села и поселки газифицированы. В каждый дом или квартиру доставляется газ в специальных баллонах. В Алексеевку газ пришел по магистральному газопроводу Оренбург — Куйбышев.

На новую, очень высокую ступень поднялись народное образование, культура, здравоохранение и торговля. В первой половине 80-х годов прошлого века в Гавриловке из 1 199 мужчин грамотой владели только 207, из 1 589 женщин — 25. Примерно такое же положение было и в других селах Бузулукского уезда. Грамотными считались те, кто умел читать и далеко не все из них — писать. Главным проводником грамотности среди населения являлись земские школы, которых не хватало. В Патровской волости действовала всего лишь одна

школа на 6 759 человек населения, в Алексеевской — две на 8 004 человека. Естественно, земские школы не могли удовлетворить стремление к грамоте. Часть детей училась в церковно-приходских школах, у местных грамотеев и «захожих людей». Плата за обучение была довольно высокой, особенно в церковно-приходских школах, но крестьяне средств не жалели. В Гавриловке, например, всем миром нанимали сына попа за 200 рублей в год, или, точнее говоря, за 90—100 учебных дней. Потому что учеба начиналась с осеннего заговения — 14 ноября — и кончалась не позднее половины апреля. Притом около двух месяцев уходило на святки, масленицу и пасху. Много дней пропускалось по домашним обстоятельствам. Одна треть школьников не доходила до старшего отделения (класса) и «курс обучения» заканчивала раньше времени.

Земские школы ютились в стареньких и тесных избушках. В Ореховке, например, школа находилась в церковной сторожке. В Патровской — на каждого учащегося приходилось по 1,7 аршина полезной площади, в Алексеевской мужской — 0,6. Все школы испытывали большой недостаток в наглядных пособиях. 35 школ Бузулукского уезда, из 63, не имели их совсем, 13 имели лишь счеты, одна — арифметический ящик, две — ящик и счеты, 12 школ — картины о сотворении мира богом.

В настоящее время в районе работают 5 средних, 10 восьмилетних и 7 начальных школ, в которых учатся около 2 тысяч детей. Школы размещены в типовых кирпичных зданиях в один-два-три этажа и представляют собой настоящие учебные комбинаты. В них — просторные классы, спортивные залы, производственные мастерские с набором различного станочного оборудования, имеются настоящие (обычно новые) тракторы, комбайны и другая сельскохозяйственная техника, в предметных кабинетах — необходимые наглядные пособия: разрезы двигателей, узлов, схемы, таблицы, плакаты.

Дети приобщаются к труду, приобретают умение и навыки в различных областях знаний. В старших классах они проходят практику в производственных бригадах, где учатся владеть современной техникой, обрабатывать почву, сеять и убирать хлеб. Закончив среднюю школу, каждый получает удостоверение тракториста-машиниста III класса, дающее право работать на тракторе, сразу же включаться в трудовую жизнь.

В районе осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию.

Ни в какое сравнение с прошлым не входит культура села. Тогда не было клубов. Библиотечное дело только зарождалось. В Гавриловке, например, библиотека находилась при

церкви, в ней было 29 книг, больше всего духовного содержания, три журнала — «Духовная беседа», «Воскресная беседа» и «Православное обозрение», одна газета «Самарские епархиальные ведомости». Молодежь развлекалась на улице, посиделках. Сейчас в каждом населенном пункте имеются клуб, библиотека. В клубах читаются лекции, доклады, выступают самодеятельные артисты из деревенских парней и девушек, организуются встречи поколений. В библиотеках проводятся читательские конференции, диспуты по книгам советских и зарубежных писателей, ведется индивидуальная работа с читателями. Всего читателей в районе — 8 724, что составляет более 65 процентов от общего числа населения. Книжный фонд — 17 850 экземпляров. Сельский житель получает информацию не только из книжек, но и из газет и журналов, которых выписывается в каждой семье по 3—4 наименования. В селах не найдешь квартиры, где бы не было радиоточки, приемника или телевизора.

Во всех клубах имеются киноустановки в два поста. После трудового дня есть возможность посмотреть новый кинофильм, обменяться впечатлениями. Кино в деревне любят.

Здравоохранение в целом по тогдашнему уезду представлялось двумя врачебными пунктами с двумя медицинскими работниками средней квалификации. Один из этих пунктов находился в Алексеевке. В основном «на страже» здоровья населения стояли знахари, бабки, которые для лечения разных болезней составляли почти одинаковые настои, капли и продавали их крестьянам по цене «сколько бог вразумит дать».

Большое распространение имело «врачевание» заговорами. Тут уж бога не гневи... Иначе заговоры пойдут не впрок.

В настоящее время в районе работает одна центральная больница с филиалом на 150 коек, 23 фельдшерско-акушерских пункта. В них трудятся 28 врачей, 138 фельдшеров и сестер. Навсегда исчезли тиф, холера, оспа, трахома и другие болезни. Медицинские учреждения оснащены таким оборудованием, которое позволяет тщательно исследовать человеческий организм, применить эффективное лечение различных недугов.

Широко поставлена санитарная пропаганда среди населения. Люди приобретают медицинские знания, навыки поведения, помогающие уберечь себя от болезней. Каждый год проводятся массовые обследования с целью раннего выявления заболевания и своевременного оказания квалифицированной помощи.

Большие перемены произошли и в торговле. В прошлом она велась на ярмарках и базарах, проходивших в основном

в Бузулуке и Алексеевке в частных лавках и очень мало — в казенных. В Алексеевке ежегодно проводились три большие ярмарки по три дня каждая. Первая — «на четвертой неделе великого поста», вторая — «в дни святой троицы», третья — в начале октября. Базары — еженедельно, по понедельникам. В селе действовало 28 частных лавок и чайных заведений. Только три винные лавки были казенными. В других селах, как правило, имелись винный магазин и редко — промтоварная лавка.

В наше время развивается кооперативная торговля по государственным ценам на товары. Правда, на колхозном рынке цены складываются от спроса и предложений, но этот вид торговли сокращается. Притом цены, как правило, регулируются кооперативной торговлей — продажей товаров повышенного спроса на этом же рынке. В каждом селе имеются типовые магазины, в которых можно купить многие товары. В Патровке построен торговый центр, в Алексеевке работает универмаг, мебельный и хозяйственный магазины, 5 продовольственных, имеются столовая и кафе.

В Гавриловке каждый год в кооперативном магазине покупается товаров на 240—300 тысяч рублей, в Патровке — на 500—600 тысяч, в Алексеевке — на 4—5 миллионов. Всего по району — на 11—12 миллионов рублей. Что же покупают внуки и правнуки крестьян времен Толстого? Не хомуты и седелки, разумеется, а легковые автомобили, телевизоры, холодильники, стиральные машины и многое другое. Достаточно сказать, что в личном пользовании рабочих, колхозников района имеется около одной тысячи легковых автомобилей и около полутора тысяч «тяжелых» мотоциклов. Телевизоры, стиральные машины стали обычными предметами в доме каждой семьи.

В результате постоянного роста благосостояния у крестьян появились «лишние» деньги, которые кладутся на сберегательные книжки. Общая сумма вкладов составила в 1983 году 20,5 миллиона рублей. В среднем на одного жителя района приходится 1 440 рублей, что на 711 рублей больше, чем в целом по области.

В нашем крае идет процесс становления нового человека — строителя коммунизма. Грани его формируются всей жизнью, на основе самой гуманной идеологии. Человек воспитывается в труде, учебе и общении друг с другом. Мощное развитие производительных сил в условиях общественной собственности на средства производства порождает коллективизм в отношениях между людьми, взаимную поддержку, общую ответствен-

ность за положение дел. Человек человеку становится другом, товарищем и братом. Толстовская формула «Все люди — братья» нашла свое воплощение только в наше время. Раньше она была несбыточным призывом к человеческой совести. А совесть у бедняка — одна, у богача — другая, их совместить нельзя.

Техническое перевооружение сельского хозяйства за годы Советской власти внесло коренные изменения в профессию крестьянина. Прежнее понятие «хлебороб» в наше время качественно изменилось. Хлебороб стал механизатором широкого профиля (комбайнером, трактористом, слесарем одновременно, механиком, инженером, агрономом). О таких профессиях раньше крестьяне даже не слышали. На полях и фермах района работают 477 специалистов разных отраслей, из них 140 с высшим образованием, 337 со средним специальным.

В нашем обществе честь воздается по труду. В районе 2 заслуженных механизатора РСФСР, 4 заслуженных учителя школы РСФСР, 22 отличника народного просвещения. За доблестный труд на благо Родины двум землякам присвоено звание Героя Социалистического Труда, 8 механизаторов и животноводов награждены орденами Ленина, многие — другими орденами и медалями Советского Союза. Три человека награждены орденами Трудовой Славы. За ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны трем землякам присвоено звание Героя Советского Союза.

Люди нашего края чтут память Льва Николаевича Толстого. На местах его бывших усадеб установлены памятные знаки: на Чапаевке (Моче) — 4-метровая стела со скульптурным портретом великого писателя, на Сухом Тананыке — плита. К этим местам проторены тропинки. Люди идут с заветным намерением соприкоснуться «с чудом», о котором писал русский писатель А. И. Куприн в день 80-летия Толстого: «Уверю вас, что на этого человека я глядел, как на чудо».

В знак большой любви к великому гуманисту к подножию стелы и на плиту ложатся живые цветы, которых бывает много. В селе Гавриловка на фасаде клуба имени Толстого прикреплена мемориальная доска. В библиотеках произведения писателя выставлены на отдельные стенды и полки, сделаны уголки, в которых имеются материалы о пребывании его в наших местах, книги с воспоминаниями современников. Произведения Толстого читаются населением с большим интересом.

В Гавриловской, Шариповской восьмилетних, Алексеевской средней школах созданы музеи Л. Н. Толстого. С помощью работников Куйбышевского мемориального музея им. А. М. Горь-

кого в Гавриловском музее изготовлены планшеты, рассказывающие о жизни писателя на Сухом Тананыке, Моче, о его связях с местными крестьянами. В музее хранятся материалы негласного надзора за Толстым, письма к нему гавриловских крестьян. На одной из полочек — комочки глины, саманного кирпича, часть доски от забора и щепка от основания его дома на Моче. Собраны домашние вещи того времени, в деталях характеризующие эпоху.

Л. Н. Толстой навечно будет в памяти народной.

Библиографический указатель литературы

1. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3. М., 1963.
2. Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862—1910 гг./Под ред. А. Е. Грузинского.
3. Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Смоленск, 1893.
4. Сухотина Т. Л. Толстая. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1976.
5. Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1965.
6. Толстой Л. Л. В голодные годы, 1900.
7. Пругавин А. С. О Льве Толстом и толстовцах. М., 1911.
8. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти т., т. 17, 19, М.: Художественная литература, 1956.
9. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12-ти т., т. 10, М.: Художественная литература, 1975.
10. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 23. М.: Художественная литература, 1957.
11. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М.: Художественная литература, 1958.
12. Поповкин А. И., Лошинин Н. П., Архангельская Т. Н. Л. Н. Толстой в портретах, иллюстрациях, документах. М., 1961.
13. Селиванов К. А. Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1953.
14. Прессман Л. П. Литературное краеведение в средней школе. Куйбышев, 1955.
15. Задонский Н. Степняки. М.: Молодая гвардия, 1949.
16. Шаповалов Е. Рассказы о Толстом. Куйбышев, 1968.
17. Письма гавриловских, патровских, алексеевских и бобровских крестьян Л. Н. Толстому в 1884—1906 гг. М.: Государственный музей Л. Н. Толстого.
18. Сборник статистических сведений по Самарской губернии за 1884 год. (Отдел хозяйственной статистики), т. 3. (по Бузулукскому уезду). Государственный архив Куйбышевской области.

19. Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902—1917 гг. Куйбышев, 1969.

20. Фотодокументы Государственного архива Куйбышевской области по делу о негласном надзоре за Л. Н. Толстым (1882 г.) и о крестьянских выступлениях в Бузулукском уезде в 1905 году.

21. Фотодокументы Центрального Государственного Ленинградского Исторического архива СССР о судебном преследовании крестьян Бузулукского уезда за революционные выступления.

22. Силина М. С. В Самарском крае. Л. Н. Толстой и революция 1905 года: Статьи. Волжская коммуна, 1978, 9 августа и 13 сентября.

Примечания

1. Каралык — река в Николаевском уезде Самарской губернии, ныне в Большечерниговском районе Куйбышевской области, место первых поселений башкир.

2. Юрий Федорович Самарин — старый знакомый Л. Н. Толстого.

3. Кунак (башкирское), по-русски — гость.

4. Т. А. Ергольская — троюродная сестра отца Л. Н. Толстого.

5. А. Д. Столыпин — приятель Толстого по обороне Севастополя. Офицер, впоследствии генерал.

6. Фрейлина — придворная дама при царице.

7. П. И. Бартнев — историк, издатель журнала «Русский архив».

8. Геродот — древнегреческий историк, живший в XIV веке до нашей эры. В молодости принимал участие в борьбе с тиранией, его политические взгляды отличаются симпатией к афинской демократии.

9. Н. П. Тучков — генерал-губернатор г. Москвы, у сына которого Лев Николаевич купил землю в Самарском Заволжье.

10. Р. Г. Бистром — помещик. Л. Н. Толстой в 1878 году купил у него землю, смежную с землями Тучкова.

11. Е. А. Тимрот — самарский адвокат, имение которого находилось вблизи хутора Толстого на Сухом Тананыке. Он присматривал за хозяйством писателя.

12. Сухой Тананык — обширная впадина, окруженная высокими холмами. В шести верстах от с. Гавриловка.

13. Моча — река в Бузулукском уезде Самарской губернии, ныне Чапаевка в Алексеевском районе Куйбышевской области.

14. Ф. Ф. Кауфман — немец, гувернер старших детей писателя.

15. Эмили Табор — англичанка, учительница детей писателя.

16. Ж. Е. Тардзей — англичанка, дочь садовника Виндзорского дворца, воспитательница детей Толстого, родственница Эмили Табор.

17. П. Л. Лавров — теоретик русского революционного народничества, философ, публицист, социолог.

18. М. Н. Катков — редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника», реакционер.

19. Е. Е. Лазарев — крестьянин с. Грачевка Самарской губернии, революционер. Впервые был арестован в 1874 году по делу 193-х. В 1888 го-

ду арестован вторично и выслан в Восточную Сибирь. В 1890 году бежал в Америку. Жил во Франции и Швейцарии. Вернулся в Россию. В 1919 году эмигрировал в Прагу, где и умер. Автор воспоминаний о Толстом, вошедших в его книгу «Моя жизнь».

20. Заказ — часть леса.

21. А. В. Олсуфьев — граф, генерал-адъютант.

22. Неат — Чарльз Хис, англичанин, бывший преподаватель английского языка и литературы училища правоведения, а позднее — один из воспитателей императора Николая II.

23. Е. И. Черткова — мать В. Г. Черткова, ближайшего друга Л. Н. Толстого, главного редактора его Полного собрания сочинений.

24. А. Ф. Кони — судебный деятель, сенатор. Председательствовал в суде с присяжными во время процесса Веры Засулич, стрелявшей в московского обер-полицмейстера Трепова и оправданной судом.

25. В. В. Стасов — искусствовед, критик.

СОДЕРЖАНИЕ

На Каралыке	3
Через девять лет	5
Приезд с семьей	9
Тревожное время	12
Увлечение хозяйством	17
Социальные контрасты	20
Последний приезд	27
Связи сохранились	30
Противление злу	41
Перемены	48
Библиографический указатель литературы	57
Примечания	59

ИБ № 712

Иван Петрович Афанасьев

**Л. Н. ТОЛСТОЙ В САМАРСКОМ
ЗАВОЛЖЬЕ**

Очерки

Редактор М. Г. Свиридов

Художник Н. В. Русяева

Художественный редактор

Е. В. Альбокринов

Технический редактор З. К. Яшина

Корректор Л. И. Трофимова

Сдано в набор 28.04.83. Подписано в печать 26.10.83. ЕО05760. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л. 3,72. Уч.-изд. л. 3,54. Тираж 3000 экз. Заказ 2285.
Цена 15 к.

Куйбышевское книжное издательство,
г. Куйбышев, ул. Спортивная, 5/27.

Ордена Трудового Красного Знамени
тип. изд-ва Куйбышевского обкома КПСС,
г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.